

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Владимир ПОСЕЛЯГИН

ДИТЁ

Не верь. Не бойся. Не проси!

Владимир Геннадьевич Поселягин

Дитё

Серия «Дитё», книга 1

Серия «Современный
фантастический боевик»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17229263

В. Г. Поселягин. Дитё: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2016

ISBN 978-5-17-095306-6

Аннотация

Вы – бывший офицер спецназа ГРУ и у вас отсутствуют ноги, потерянные во славу Отчизны. Что бы сделали вы, если бы уснув в один из обычных дней в наше время, проснулись в детском теле, которое опознали как свое собственное? На улице 1982 год, а вам пять лет. Ваши первые действия, если в полубреду вы УЖЕ рассказали, кто вы и откуда, не тому, кому надо, и на вас начали охоту разведки всех стран. Что же вам остается? Так беги же, малыш, беги!

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Владимир Поселягин

Дитё

© Владимир Поселягин, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Автор за помощь в написании книги благодарит: Сергея «Уксуса»; Сергея Павлова «Мозг»; Екатерину Корчагину; Кристин-Алису; и многих других, кто искренне помогал мне на форумах ЛитОстрова и СамИздата.

От автора читателям: Книга изначально планировалась как довольно серьезное чтение по альтернативной истории. Ее я старался писать в легком жанре, чтобы легко читалось, с юмором. Однако у автора, человека не очень серьезного и слегка веселого, книга быстро преобразилась в треш – мне просто надоело нудно описывать все преобразования при попадании в СССР. Поэтому сразу сообщаю – эта книга НЕ альтернативная история, а фантастико-приключенческий боевик с элементами альтистории. Так и читайте ее.

Пролог

Больно, как же больно. Боль протекала по всему телу огнем. От неожиданной вспышки адской боли в груди Артур невольно застонал. Сквозь шум в голове было слышно чей-то успокаивающий женский голос:

– Все хорошо, Артурчик, все хорошо. Сейчас доктор придет и сделает укольчик. И все пройдет, потерпи немножко, – и тут же кому-то: – Константин Сергеевич, он только что стонал от боли.

Со стороны ног послышался молодой мужской голос:

– Хоть стонет, а то два дня под капельницей пластом лежал.

Артур с трудом приоткрыл глаза. Сквозь застилавшие их слезы разглядел стоящих рядом женщину в белом медицинском халате и молодого парня лет двадцати пяти, тоже в белом халате. Похоже, что движение век медики заметили, поэтому склонились к нему:

– О, очнулся малыш?

Артур непроизвольно поморщился. Так обращаться к человеку, который старше тебя, – это неуважение к нему. Он всегда считал, что надо выказывать уважение прожитым годам. Даже к своему соседу, который старше его всего на одиннадцать лет, он обращался по имени-отчеству. Поэтому, с трудом различая свой голос сквозь шум в голове, с тру-

дом шевеля сухим языком, ответил:

– Мой малыш у тебя во рту не поместится, сынок. Разговаривая с человеком старше тебя, надо оказывать ему уважение. Называть хотя бы по имени-отчеству.

Эта отповедь у Артура отняла немало сил. На лицах стоящих медиков отразилась целая гамма чувств, от изумления до гнева. Врач остановил движением руки открывшую было рот возмущенную женщину. Положив больному руку на лоб, спросил, глядя ему прямо в глаза:

– Ты помнишь, кто ты? Как звать? Расскажи. Чувствуя, что вот-вот вырубится, Артур ответил:

– Я Александров Артур Кириллович, тысяча девятьсот семьдесят шестого года рождения. Мне тридцать пять лет, – и, глядя презрительно на доктора, добавил: – Майор ГРУ в отставке. Ветеран второй Чеченской войны. Все. Хватит с вас.

Доктор насмешливо улыбнулся:

– Ну и как там, в будущем? СССР всех впереди? Настала очередь Артура изумиться:

– Какой, на хрен, СССР?! Он же развалился в девяносто первом?!

Артур с удивлением смотрел на лица ошарашенных медиков. Врач встал и обменялся с женщиной странными взглядами. Что-то было не так. Вдруг он понял, что чувствует конечности. С трудом приподняв под взглядами врачей правую руку, посмотрел на нее. Это была пухлая, исцарапанная ру-

ка ребенка, от неожиданности у Артура закружилась голова, и все померкло перед глазами, после чего он провалился в спасительную темноту...

* * *

...— И все-таки мне бы хотелось, чтобы Артур задержался у нас подольше, — говорил врач-педиатр родителям мальчика.

Разговор происходил на следующий день после того, как ребенок очнулся. Родители мальчика переживали, не отразится ли на ребенке происшедшее, нормальным ли будет он. Врач повернулся к отцу Артура:

— Кирилл Андреевич, расскажите снова, как это произошло. Только подробно, по секундам.

Поведя здоровенными плечами, тот начал рассказ:

— Да что там говорить? Пришел я за ним в садик, сказал воспитательнице, чтобы позвала сына. Где-то через две минуты прибежал Артур. Я посадил его на скамейку и начал надевать ему на ноги ботинки. Но Артур внезапно сказал, что забыл любимую игрушку, скинув обувь, побежал в игровой зал. И через секунду я услышал крик Елены Викторовны, воспитательницы Артура. Когда я забежал в зал, увидел лежащего на полу сына. У него шла кровь из ушей. Воспитательница дала мне аптечку и начала звонить в скорую, а я перевязал его и вынес на улицу. Скорая быстро приехала.

Привезли в больницу, Артура сразу на каталку, а меня выставили в коридор, вроде все.

Мать мальчишки после рассказа мужа вытерла слезы платком и уткнулась лицом в плечо мужа. Александров повернулся к врачу, задумчиво наблюдающему за ними:

– Понимаете, Артур – наш поздний ребенок. Родился четвертым и стал любимчиком в семье, поэтому несколько избалован. Все за него переживают. Все-таки скажите, что с ним?

Врач печально вздохнул и отвел взгляд: – Улучшений нет. Артур продолжает оставаться в коме. Вчера были судороги, после – остановка сердца. Мы еле успели откачать его. Боюсь, у Артура шансов нет.

Крепко прижав зарывавшую жену к груди, Кирилл Андреевич с тоской смотрел на доктора. Тот, подняв трубку внутреннего телефона и продолжая отводить глаза, набрал номер дежурной медсестры:

– Алло! Светлана Аркадьевна, пожалуйста, срочно принесите успокоительного ко мне в кабинет, – положив трубку, врач сказал: – Есть детская городская клиническая больница номер тринадцать, имени Филатова. Она находится в Москве. И, возможно, там что-нибудь смогут сделать. Мы бессильны. Извините.

Постучав, в кабинет зашла медсестра, сделала матери ребенка укол и вышла.

Объяснив родителям ребенка, что они не могут сопровождать его в Москву и что этим займётся специально обученный медперсонал, доктор распрощался с Александровыми. Устало откинувшись на спинку роскошного кожаного кресла, врач-педиатр, заместитель главврача детской больницы Кокренев Константин Сергеевич прикрыл глаза и посидел несколько минут. Отдых нарушил внезапно зазвеневший городской телефон. Встряхнувшись, врач снял трубку:

– У аппарата!

Голос на той стороне провода был хорошо знаком. Он принадлежал родному брату, служащему в Комитете государственной безопасности СССР в звании капитана.

– Привет, Кость. Как все прошло? Они поверили?

– Да, похоже, что да, поверили. В трубке раздался смешок:

– Это хорошо. Ладно, сейчас о другом, через час подойдут два наших сотрудника. Проверишь их документы, я тебе потом сообщу их данные. Они при тебе должны связаться со мной. Так надо, Костя, так надо. Проведешь их к палате, но внутрь не пускаешь. Они должны охранять палату снаружи, в коридоре. Понял?

– Да понял я, понял! Стас, неужели все так серьезно? Я же в шутку рассказал тебе!

– Серьезней некуда, Кость. Хорошо, что ты связался со мной перед совещанием с начальством. Я должен был делать доклад первому заместителю председателя, генерал-полковнику Чебрикову. И ты связался как раз вовремя. Генерал

хоть и не поверил во вселение, но заинтересовался этим ребенком. Все-таки такое происходит впервые. Это шанс, понимаешь?

– Стас, а вдруг я ошибся? Ты представляешь, каких трудов мне стоило уговорить его мать оставить ребенка одного и отправить ее домой?

– Ничего, подождут, не до них пока.

– Вдруг мне показалось?

– Тебе и медсестре показалось? Несмешно. Ты же по основной специальности кто? Детский психиатр. И различить, где ребенок фантазирует, можешь. Так что не комплексуй.

– Да, что-то меня... А, ладно. Как думаешь, он не сбежит?

– Кстати, как он?

– Нормально, встал, походил по палате туда-сюда, движения и рефлексy в норме, хотя нет... слегка заторможенные. Поел хорошо, все съел с аппетитом. Только вот...

– Что?

– Понимаешь, взгляд у него недетский, пронизывающий. Смотрит, как рентген, как будто насквозь. У меня от его взгляда мурашки по коже. Еще медсестра-практикантка на него жаловалась. Говорит, что он ее взглядом раздевал, а когда нагнулась поправить одеяло, демонстративно стал разглядывать ее груди. Хотя надо сказать, что с бюстом у нее все в порядке. Еще когда уходила, он ее по попке шлепнул и подмигнул.

В трубке снова рассмеялись:

– Однако, какой он Казанова! Ты поставил кого-нибудь присматривать за палатой?

– Да, там прямо у двери стол дежурной медсестры находится. Я велел его не выпускать.

– Меня гложут смутные подозрения. Если он майор ГРУ, то твоя медичка ему не помеха. Черт, сходи проверь, ладно?

– Хорошо, сейчас проверю.

– перезвонить не забудь.

– Ладно. Давай, пока, – однако трубку врач положить не успел.

Без стука в кабинет ворвалась дежурная медсестра и закричала:

– Его нет, он пропал!

– Кто пропал? Да скажите вы толком, Светлана Аркадьевна!

– Мальчик из сорок седьмой. Артур пропал!

В трубке послышался отборный мат.

– Костя, Костя, дай ей трубку! – было слышно, как надрылся Стас в динамике.

Ошарашенный доктор поднял трубку и спросил:

– Что? Извини, не расслышал.

– Дай ей трубку!

Константин протянул трубку медсестре:

– Возьмите. С вами хочет поговорить мой брат. Подойдя, медсестра взяла протянутую трубку.

– Здравствуйте. С вами говорит капитан КГБ Кокренев.

То, что вы сейчас скажете, вы повторите нашим сотрудникам, которые скоро подойдут. А пока расскажите мне все подробно. Как это произошло?

— Здравствуйте, я, товарищ капитан, относила обед лежащим больным. К ним относится и мальчик из сорок седьмой палаты. Когда я открыла палату и внесла поднос с обедом, то увидела, что кровать пуста. Я думала, что ребенок играет в прятки, и минуты две искала его по палате. Его нигде не было. Только окно было не закрыто на шпингалеты, а просто прикрыто. Еще пропала простыня. Как только я поняла, что ребенок пропал, сразу же побежала к Константину Сергеевичу. Но он же не мог сбежать в окно? Третий этаж все-таки?

— За палатой никто не наблюдал?

— Я попросила санитарку, она сказала, что никуда не отлучалась!

— Хорошо, я все понял. Спасибо, вы действительно все подробно рассказали. А теперь верните трубку моему брату.

Медсестра передала трубку телефона врачу и по его знаку покинула кабинет.

— Да, Кость, он нас сделал.

— Вы его найдете?

— Если бы он был простым обывателем, то да, не сразу, но нашли бы. Но он же не идиот, а профессионал, глупости делать не будет. Ладно, я на доклад к начальству...

Положив трубку, Константин задумался. Ему хотелось что-то предпринять, но что? Так ничего и не придумав, он

запер кабинет и направился к сорок седьмой палате. Зайдя в открытую палату, врач осмотрелся. Действительно, простыни не было. Подойдя к полуоткрытому окну, распахнул его и высунулся наружу.

– Ну и как он спустился? Третий этаж все-таки.

Пожав плечами, доктор закрыл дверь и строго-настрого запретил медсестре открывать ее. Вернувшись в кабинет, сел в кресло и, достав из тумбочки стола початую бутылку коньяка, отмерил ровно пятьдесят грамм. Выпив, потер виски. Ночное дежурство давало о себе знать. Прикрыв глаза, Константин почти уже задремал, когда раздался резкий стук в дверь и, не дожидаясь ответа, в кабинет вошли два человека в штатском. Один высокий и широкий в кости брюнет, второй невысокий и рыжий. Их принадлежность к органам была отчетливо видна.

– Мы пришли по приказу сверху. Вы должны быть в курсе, – заговорил высокий.

– Да-да. Конечно. А-а-а?.. – Оба синхронно достали документы и, раскрыв их, показали врачу, не давая в руки.

– Капитан Корнилов. – Встав и перегнувшись через стол, Константин посмотрел удостоверение высокого.

– Лейтенант Кошкин. – Удостоверение второго было явно новеньким.

Когда офицеры убрали документы, старший заявил, что ему нужно позвонить, и быстро набрал номер. Поговорив с кем-то несколько секунд, он передал трубку Константину.

– Алло?

– Костя, это я, все в порядке, они те, кто должен был подойти. Передай трубку старшему.

Выполнив требуемое, Константин, не обращая внимания на кагэбэшников, спокойно налил себе второй стакан, выпил, откинулся в кресле и прикрыл веки.

Из дремоты доктора вывел голос капитана:

– ...так точно, товарищ полковник, сделаем. – Положив трубку, старший кагэбэшник достал платок из нагрудного кармана и вытер пот со лба. Посмотрев на напарника, он сказал:

– Приказ из Москвы. Найти ребенка во что бы то ни стало, – затем повернулся к Константину и, поставив кулаки на стол, потребовал: – Рассказывайте. ВСЕ!

Выйдя на крыльцо больницы, оперативники закурили, чисто механически посматривая по сторонам. Наконец, в очередной раз стряхнув пепел, Корнилов вздохнул:

– Да, ушел он чисто. Никто ничего не видел, не слышал. Ты под окном все внимательно осмотрел? – повернулся он к напарнику. – Точно никаких следов?

– Никаких, Сергей Викторович. Чисто все. Я опросил всех, кто гулял около больницы. Никто, ничего. Ребенка не видели.

Тут их отвлекла маленькая пухленькая симпатичная де-

вочка в синеньком платице, стриженная под мальчика, с огромным белым бантом. Она подошла и, вытирая рукой полные слез глаза, с надеждой спросила:

– Дяденьки, вы мою маму не видели? Потерялась я. Капитан, присев, ласково сказал:

– Маму мы не видели. Давай поищем ее, – затем, взяв девочку за руку, повернулся к напарнику: – Сходи в регистратуру, скажи, что тут ребенок потерялся. Пусть заберут, с ними посидит. Нам некогда.

Когда лейтенант скрылся за дверями больницы, Корнилов стал спрашивать у девочки, как ее зовут.

– Я не помню-ю-ю, – плаксиво заныла та.

– Ты помнишь, как тебя мама звала? Девочка, вытирая нос, кивнула.

– Давай, я буду говорить имена, и ты вспомнишь свое?

Девочка усиленно закивала.

– Маша? Даша? Катя? Оля?.. – перечислив не сколько имен, капитан сдался.

Девочка стояла рядом, ковыряла в носу и ждала, глядя на оперативника.

– Давай, я буду говорить буквы, и ты скажешь, на какую начинается твое имя, согласна?

В это время вышел напарник в сопровождении пожилой женщины в халате.

– Вот, Сергей Викторович, санитарка посидит с девочкой, пока не найдут ее мать.

Женщина ласково сказала:

– Пойдем со мной, чай с конфетами попьем и маму твою найдем. Меня баба Валя зовут.

Девочка оживилась:

– Конфетки, хочу конфетки!

Санитарка, взяв ее за руку, повела в больницу.

– Убивал бы таких матерей, – сказал капитан, глядя вслед ушедшим. И, повернувшись к лейтенанту, добавил: – У меня самого такая же дочка.

Лейтенант промолчал, у него детей не было.

– Эх! – махнул капитан рукой. – Ладно, нужно опросить всех еще раз. Начни с того дома, его окна выходят как раз на больницу. А я еще раз пройду по гуляющим больным. Все, расходимся.

Очнулся я как-то сразу. Даже не очнулся, просто проснулся. В теле чувствовалась непривычная легкость. Одновременно почему-то болели все мышцы. Зевнув и со скулежом потянувшись, с закрытыми глазами вскинул странно легко взлетевшие руки вверх. Чтобы ухватиться за прикрученные скобы и, несколько десятков раз подтянувшись, закинуть себя в инвалидное кресло, стоящее рядом с кроватью.

Руки ухватили пустоту – скоб не было. Широко открыв глаза, я смотрел на детские ладошки перед собой:

– Что за?.. – скинув с себя одеяло, с отвисшей челюстью разглядывал тело, в которое попал. То, что попал, теперь не сомневался.

Это было тело мальчика лет пяти-шести. И самое главное, у него были **НОГИ**. Причем **ОБЕ НОГИ**. С трудом двигая руками и ногами, сполз на пол. Такое впечатление, как будто все мышцы заоченели. Перед глазами замелькали звездочки, и я понял, что не дышу уже довольно долго.

Ноги подчинялись плохо, как чужие. Пришлось долго ходить вдоль кровати, держась за неё, прежде чем я наконец решился оторваться от дополнительной опоры. Наконец, отпустив кровать, храбро сделал несколько шагов без подпорки. Голова немного кружилась, и сердце готово было вот-вот выскочить из груди, но я шел. Покачиваясь из стороны в сторону, но шел. И только сейчас, внимательно осмотрев палату, в которой находился, определил, что она двухместная. Но вторая кровать стояла без белья. Значит, соседа нет, отлично.

Плохо побеленный потолок, окрашенные в непонятный цвет стены с грубо нарисованными солнышком, лисичками и зайчиками, деревянная дверь с закрашенным краской стеклом, корявые окна со следами бумажной ленты и клочками ваты в щелях. Черные круглые выключатели и розетки на стенах, тумбочка с перекошенной дверцей, на которой намазан корявый коричневый медвежонок, – все это ввело меня в недоумение. Где я?

Двигаться было тяжело из-за болевших мышц. Но все-таки дошел до зеркала, висящего несколько высоко, хотя мне хватило. Подойдя, уставился на самого себя, только по-

молодевшего на тридцать лет. Передо мной стоял я сам с детских фотографий.

Несколько минут кривляния удовлетворения не принесли. Даже свирепое лицо, от которого в одной операции во время допроса обделался пленный боевик, в исполнении нынешнего тела превратилось во всего лишь забавно оскалившуюся рожицу, в глазах которой прыгали весёлые бесенята.

Махнув рукой на двойника, отошел в сторону и спустил трусики. Да, это точно был я. Во-первых, мой парень, хоть и маленький, но точно мой. Во-вторых, родинка справа от паха в форме копеечной монеты. В-третьих, повернув ногу, посмотрел на правую икру – шрама не было. Шрам в виде звёздочки я получил в шестилетнем возрасте, летом, играя в индейцев, – мне засадили стрелу в ногу. Какой вывод? Мне меньше шести лет. Осталось выяснить, где я.

Крепко сжав зубы и стараясь экономно двигаться, донес крашенную в белый цвет табуретку до окна, взобрался на подоконник и, откинув штору, выглянул на улицу. Это был не современный, знакомый мне город, а город времен СССР. Объяснялось это одним только видом проезжей части, находящейся между больницей и девятиэтажным домом. Новенькая «тройка», «копейки», «Волга» и ЗИЛ-130, проехавшие перед больницей. Но не это повергло меня в изумление, а плакат на соседнем с больницей доме с изображением Брежнева и надписью: «Советские люди знают: там, где партия, – там успех, там победа!»

Покачив головой, я задумался. Назвать этот перенос счастливым — значит ничего не сказать. Несмотря на уже привычную боль в мышцах, мне хотелось плясать и петь от счастья. В крови просто бурлила энергия.

Ушатом холодной воды стало воспоминание, как я в первый раз очнулся в своем детском теле. Выражение физиономии врача заставило задуматься. Размышляя, отнес табуретку обратно под стол. Встав посередине комнаты и продолжая обдумывать свое положение, начал делать легкий разминочный комплекс. Такое впечатление, как будто в суставы насыпали песку. Мышцы встретили гимнастику крайне отрицательно. Но, крепко сжав зубы, терпел. Не обращая внимания на слезы, ручьем текущие из глаз, продолжал разминку.

Врач явно с интересом слушал мой бред, но в глазах его было и недоверие. Я надеялся, что все-таки оно перевесит и представитель племени эскулапов просто махнет на непонятно что лопочущего пацана рукой и быстро все забудет. Если он не лох, то будет молчать, чтобы не схлопотать неприятности. А если этот идиот кому-нибудь проболтается, то что? Попасть в руки какому-нибудь костолому-дуболому мне не улыбалось. Надо будет выходить на руководство, на генсека.

В прямой видимости из окна торчала приметная труба котельной, находящейся недалеко от моего дома. Значит, я был в родной Казани...

Мои размышления прервали приближающиеся голоса в

коридоре, застав меня врасплох. В это время я отжимался на кулаках. Крутанувшись на полу и вскочив на ноги, бросился к кровати. Запрыгнув на нее, успел укрыться одеялом и вытереть мокрое лицо. Мое тело было как будто из парной – все в поту.

В открывшуюся дверь вошла смутно знакомая медсестра, наткнулась на мой внимательный взгляд и попятилась. Тут я ее узнал. Это была та женщина, от голоса которой я очнулся. Поскольку совсем палиться не хотелось, пришлось сделать испуганное выражение лица и сказать:

– Тетенька, а где я? Где мама? А вы кто? Я кушать хочу, – быстро захлопав глазами, изобразил на лице просительное выражение.

Медсестра вздохнула с облегчением. Стараясь ничем себя не выдать, я, сложив кулачки на груди, снизу вверх жалобно смотрел на нее. Надеюсь, что покрасневшие глаза меня не подведут. Эту фишку я позаимствовал у дочки соседа по площадке, трехлетней Ксюши. Она именно так выпрашивала у меня конфетки и другие сладости, когда приходила вместе с отцом в гости. И, надо сказать, у нее это блестяще получалось. К моему изумлению, сработало и здесь.

Умильно глядя на меня, медсестра подошла, села с краю на кровать и, погладив по влажным волосам, сказала:

– Сейчас кушать принесем, Артурчик, и ты покушаешь. У тебя ничего не болит?

Я отрицательно покачал головой, успокаиваясь. Не люб-

лю, когда меня гладят. Очень. И дергаюсь. Сейчас с трудом удержался от рефлекса откатится в сторону.

В дверь заглянула молоденькая, удивительно красивая медичка. От ее бюста у меня сработал рефлекс Павлова, и я громко сглотнул.

Пожилая медсестра восприняла это по-своему:

– Катя, принеси завтрак, пожалуйста.

Молча кивнув, Катя озадаченно глянула на меня и быстро удалилась, прикрыв за собой дверь. Похоже, мои пламенные взгляды от нее не укрылись. Меня это немного смутило – вроде маленький, а девчонку хочу. Не могу, а все равно хочу. Блин, вот попал! Хорошо, что медсестра ничего не заметила, а так и сидела рядом, продолжая меня гладить.

Я продолжал играть роль ребенка. Не думаю, что смогу долго водить ее за нос, но время выиграю.

Когда я с аппетитом завтракал, в палату вошёл доктор. Стоял у двери, о чём-то разговаривая с медсестрой, которую, оказывается, зовут Светлана Аркадьевна, и то и дело поглядывал в мою сторону. Судя по выражению его лица, он явно меня сдал.

«Блин, какая все-таки вкусная манная каша».

Подождав, когда я закончу есть, врач подошел к кровати.

– Ну что, покушал?

«Ой, не могу! Он бы еще по-доброму улыбнулся! Правильно говорят, что глаза – зеркало души». Постаравшись сделать испуганное лицо, я ответил:

– Да, вкусно очень. А еще можно?

Врач сел на краешек кровати и покачал головой:

– Режим нарушать нельзя. Через два часа будет обед. Там и покусашь.

Взяв стетоскоп, он стал прослушивать мою грудь, говоря привычные слова «дыши, не дыши».

Постоянное общение с врачами не добавило мне любви к ним. И если бы не мой брат, ведущий хирург одной из московских больниц, который в основном и занимался мной... Он же и сократил общение с врачами. Все вопросы по лечению и операциям решались через него. Если бы не он и не мой сын, постоянно живущий со мной после развода с женой, то я, несомненно, скатился бы в пропасть отчаяния. Именно брат нашел для меня работу на дому. Так как я прилично владею двумя иностранными языками, он нашел мне работу в одном из издательств переводчиком. Так как моей мизерной пенсии едва хватало на проживание, это была существенная помощь. Настолько существенная, что я даже оплатил путевку сыну без помощи брата, когда его класс отправился во Францию.

– Я в туалет хочу.

Проблема действительно стояла для меня остро. После завтрака давление на мочевой пузырь превысило все пределы.

– Хорошо, – ответил он мне, после чего обратился к медсестре, продолжавшей стоять у двери: – Светлана Аркадьев-

на, утка под кроватью?

Медсестра кивнула и, подойдя, достала эмалированную утку. Стыд и смущение я потерял давно, поэтому спокойно сделал свои дела под взглядами медиков.

– Хорошо. Молодец. Теперь походи по комнате. Пришлось слезть с кровати и сделать несколько шагов.

– Хорошо, молодец. Теперь ложись, будем тебя лечить. – Похоже, мы оба понимали, что играем друг перед другом.

Я залез на кровать и укрылся одеялом. Судя по положению солнца, скоро здесь будет парная. Врач вышел за дверь, не забыв запереть ее на замок.

Проводив его взглядом, я задумался. Надо валить прямо сейчас, пока это сделать можно без проблем. Пока думал, привычно для себя, но не для тела, делал разминку рук. Мои размышления прервал звук ключа, поворачивающегося в замке.

Дверь открыла Светлана Аркадьевна, впустила в палату красавицу Катю, несущую в руках поднос с лекарствами, и снова заперла замок снаружи. Подойдя к столу, Катя поставила поднос и взяла с него стаканчик с таблетками. Я с восхищением разглядывал ее, проходясь взглядом по выпуклостям фигуры. Сам понимаю, что это глупо, а ничего поделать не могу. Ну нравится она мне! Залившаяся краской Катя подала мне таблетки со стаканом воды, чтобы их запить, и быстро отвернулась к столу, что позволило мне убрать лекарства под подушку. Демонстративно допив воду, я протя-

нул ей стакан. Взяв его, медсестра нагнулась поправить одеяло.

О, это было великолепное зрелище! Заметив мой взгляд, красная, как помидор, Катя быстро выпрямилась. И, повернувшись, чтобы уйти, предоставила мне прекрасный шанс, который я не упустил.

Проследив за выскочившей из палаты Катериной и дождавшись звука закрывшегося замка, стал действовать. Выйти из палаты оказалось просто. Заранее открыл окно, оставив заметную щель. Снял и сложил простыню, которую взял с собой. Вскрыть замок труда не составило. Аккуратно придерживая дверь, чтобы она не скрипнула, осторожно выглянул и осмотрелся.

Палата находилась в середине коридора, прямо напротив стола дежурной медсестры, которая как раз куда-то отлучилась, а её на месте сидела пожилая санитарка и с интересом листала потрепанный журнал «Крестьянка». В это время открылась соседняя палата, и из нее выглянула женщина лет тридцати:

– Извините, у сына озноб начался, посмотрите, пожалуйста! ста!

Через полминуты препирательств санитарка шустро куда-то поковыляла, а женщина вернулась в палату, прикрыв за собой дверь.

Это была прекрасная возможность улизнуть. Мысль остаться и дождаться родителей, чтобы они забрали меня,

я отбросил после некоторых раздумий. Валишь надо сейчас, а не потом! Шансы, что до меня допустят родителей, минимальны, а вот огрести неприятностей...

Подождав, когда двое детей лет восьми-десяти, прогуливающих по коридору, скроются за поворотом, прошел к соседней палате, держа простыню в руках. Двигаться после тренировки мышц было все легче и легче.

Первым делом мне нужно было найти гардероб. Своей одежды в палате я не нашел. Значит, ее забрали родители или медсестра.

Найдя гардероб, попытался с помощью ложки, припрятанной во время обеда, открыть его. К моему удивлению, он оказался не заперт. В коридоре слышались голоса, и я торопливо вошел в помещение. Прикрыв дверь, подпер ее обнаруженным рядом стулом.

Странно: как мне кажется, у пятилетнего мальчика сил должно быть поменьше. Решив в этом разобраться попозже, стал осматриваться.

На стеллажах и вешалках висела и лежала одежда, на полу стояла обувь. Быстро одевшись, я сложил часть вещей в маленький синий рюкзачок из джинсовой ткани – явную самodelку.

Грaбить детей мне не хотелось, но некуда было деваться. Выйдя из гардероба, я направился к лестничному пролету и, спустившись на первый этаж, вышел в широкий коридор,

просматривающийся со всех сторон. В коридоре находилось несколько человек.

Судя по плану, висящему на стене, запасной выход находился за дверями в конце коридора. Но была одна проблема. Даже две. Две медсестры стояли и разговаривали у меня на пути. Просочиться мимо них просто не получится – обязательно заметят. Тем более одна из них стоит лицом в мою сторону.

Спрятавшись обратно за угол, из-за которого наблюдал за медичками, стал обдумывать, что делать. В это время медсестёр позвали, и они торопливо удалились. Это был шанс. Рванув с места, я добежал до двери, терпя боль в мышцах. Дёрнул дверь за ручку, с усилием открыл ее и проскользнул в следующий коридор, получив хороший толчок под зад. Обернувшись и почесывая пострадавшее место, озадаченно посмотрел на пружину.

Сразу было понятно, что маленький ребенок дверь с такой пружиной открыть не сможет. По крайней мере, пятилетний точно. Это даже для более старших детей будет сложно. Все чудесатей и чудесатей, как сказала одна выдуманная девочка. Вдохнув, решил изучение этой странности оставить на потом. Надо сначала выбраться из больницы.

Пройдя еще одну дверь, добрался до заднего выхода, в который таскали матрасы два мужика, и спокойно вышел во двор больницы.

Дальше было просто: открытые ворота, за которыми ни-

кто не приглядывал, и, наконец, свобода. Убыстряя шаг, я завернул за угол забора и через небольшой парк потопал к домам, видневшимся сквозь деревья.

Найдя приметное место с густыми кустами, спрятал под ними свой рюкзачок. Осмотрев схрон и прихватив простыню, направился к пруду, от которого слышались птичьи крики. Там, подобравшись почти к самой воде, разделся догола и занялся разминкой, затянувшейся почти на час. Затем наступила очередь водных процедур.

Одевшись и припрятав уже ненужную после купания простыню, я направился к домам, виднеющимся сквозь деревья. После такой мощной гимнастики мне казалось, что если подпрыгну, то взлечу, хотя тело продолжало тупо ныть. Меня это не беспокоило – скоро пройдёт, знал по собственному опыту, приобретенному еще в той жизни. Быстро перебирая уже привычными маленькими ногами, думал о дальнейших планах.

Чтобы спрятаться, мне надо было замаскироваться. Те, кто мог в этом помочь, наверняка находились возле тех домов. Я решил идти путем героя Ералаша, «который за хлебушком сходил».

Искомые нашлись возле стайки мальчишек, играющих в лапту. Некоторые играли с ними. Выбрав жертву, я со скучающим видом подошел к девочке лет восьми, улыбнулся и поздоровался:

– Привет. Меня Сема зовут. А тебя?

– Привет. А меня Ксанкой. Ты новенький? Я тебя не помню.

– Да, новенький. Мы въехали во-о-он в тот дом, – показал я на крышу, видневшуюся над деревьями.

Продолжая улыбаться, предложил:

– А давай дружить?

– Давай!

Услышав, что мне нужно, Ксанка громко засмеялась, привлекая к нам внимание, и предложила:

– Пойдем ко мне домой. Там посмотрим, что можно найти.

Через полчаса я подошёл неспешным шагом к центральному входу больницы и, прислонившись плечом к забору, стал наблюдать за обстановкой.

Появившийся из-за угла корпуса, в котором находилась моя палата, рыжий парень направился к крыльцу, на которое изнутри вышел высокий здоровяк. Встретившись, они закурили и о чем-то стали говорить.

Хмыкнув, я поправил белый бант на голове и направился к ним, на ходу делая страдальческое лицо. Подойдя, сказал, добавив в голос слез:

– Дяденьки, вы мою маму не видели? Потерялась я.

Здоровяк сразу повелся:

– Маму мы не видели. Давай поищем ее. Потом взял меня за руку и приказал рыжему:

– Сходи в регистратуру, скажи, что тут ребенок потерялся.

Пусть заберут, с ними посидит. Нам некогда.

Рыжий быстро ушел. Здоровый же, повернувшись к ко мне, спросил, как меня зовут.

– Я не помню-ю-ю, – плаксиво заныл я. Здоровяк поморщился:

– Ты помнишь, как тебя мама звала?

Я для убедительности вытер нос и кивнул.

– Маша? Даша? Катя? Оля? Юл... – перечислив несколько имен, здоровяк сдался.

Все это что-то мне напомнило. Задумчиво ковыряясь в носу, я вспоминал. О, вспомнил, девочка Гадя! Если есть возможность, почему бы не пошутить?

– Давай, я буду говорить буквы, и ты скажешь, на какую начинается твое имя. Согласна?

О, точь-в-точь, как в приколе. Но все обломал этот гадский рыжий, выйдя с пожилой женщиной, похожей на санитарку.

– Вот, Сергей Викторович, санитарка посидит с девочкой, пока не найдут ее мать.

Женщина назвалась бабой Вале́й и позвала с собой, пообещав напоить чаем и угостить конфетами. А заодно и маму найти.

Самое то: покажите мне пятилетнего ребёнка, который устоит перед таким соблазном.

Подойдя к дверям, я обернулся, посмотрел на стоящих ко мне спиной оперов и, не выдержав, показал им язык.

Информация. Именно недостаток информации вернул меня в больницу. Источником я решил сделать врача, Константина Сергеевича, если не ошибаюсь. Помимо информации надумал стрясти с него денег – не люблю стукачей и поэтому считаю, что их надо учить материально. Для моих дальнейших планов деньги были нужны. Вряд ли у врача с собой будет много, но на безрыбье и лягушка рыба.

Приведя меня в подсобку и налив кружку горячего чая, санитарка поставила рядом розетку с конфетками и, пока я пил, завалила вопросами. Потом её куда-то позвали, и она вышла в коридор.

Убедившись, что женщина удалилась, осмотрел помещение, отыскал среди стоящего в углах приборочного инвентаря сломанную рукоятку от швабры длиной около полуметра и, прихватив её, отправился по делам. Путь к кабинету врача занял минут десять – спрашивать ни у кого не хотелось, так что пришлось искать методом тыка.

Заглянув в кабинет, я увидел сидящего за массивным столом врача, успевшего, судя по пустой бутылке из-под коньяка, изрядно напиться. Хлопок закрывшейся двери заставил его встрепенуться:

– Девочка, тебе чего?

Да уж, он и правда успел хорошо набраться. И тут доктор меня узнал.

Глаза его расширились, он вскочил и шатающейся походкой ринулся ко мне. Я вскинул рукоятку, которую до этого держал за спиной. Врач не ожидал, что встречу его с палкой, и затормозил, озадаченно глядя на нее. И тут же получил два удара по болевым точкам, парализовавшим руки.

Третий – футбольный удар со всей силы головой между ног, и завершающий – по затылку согнувшегося врача. После чего хозяин кабинета свернулся калачиком на полу. Машинально поправив сбившийся бант, быстро, пока он не очухался, задрал платье до подбородка и стал развязывать бельевую веревку, обмотанную вокруг пояса. Которую, мне вместе с платьем и бантом дала Ксанка.

Врач держась за гениталии, тихо стонал на полу. Мне это было не нужно, поэтому очередной удар снова пришелся ему по затылку.

Самое сложное было рассчитывать силу. Ведь кем я раньше был? И кем стал сейчас?

С трудом завернув полупарализованные руки врачу за спину, связал их, накинув еще и удавку на шею. Так что если он попытается развязаться, то задушит сам себя. Вздохнув свободней, огляделся. Нужно было торопиться.

Закончив обыск, я разложил найденное на столе. Мне достались четыре скальпеля в кожаном чехле, массивный мужской кожаный бумажник с деньгами (тридцать один рубль купюрами плюс мелочь), часы, снятые с руки врача, и свежая газета за 22 мая. Развалившись в кресле, я стал изучать

газету.

От этого занятия меня отвлек шум на полу. Начал ожидать врач.

– Здравствуйте, дяденька, – на меня опять напала какая-то веселость.

– Уйё! Зачем между ног-то было бить?

– Шансов завалить вас у меня было очень мало. Я использовал то, что свалит наверняка.

– Что тебе нужно?

– Информация. И еще раз информация. А то, что мне было нужно, я уже себе подобрал, – взяв со стола вещи, показал их врачу.

Тот поморщился:

– Оставь хотя бы скальпели. Подарок все-таки.

– Хрена тебе лысого, а не скальпели. На фига меня сдал? Не мог промолчать? Или сделать вид, что ничего не понял! Так что это моя компенсация, – ответил я возмущенно.

Врач перевернулся на спину и посмотрел на меня выжидающе. Похоже, отвечать на заданные вопросы он не собирался. Демонстративно вздохнув, я взял лежащую на столе палку и подошел к нему. Допрос продлился около двадцати минут.

Сам рассказал, даже бить не пришлось, почти. Дважды в дверь стучались, и доктору по моим подсказкам пришлось отвечать, что он очень занят.

Вернувшись в кресло, я задумался было над полученными

сведениями, но встряхнулся, вспомнив, что кое-что забыл:

– Вы ведь детский доктор? У меня вопрос. В последнее время со мной происходит что-то странное.

– После того как вы попали в это тело?

– Да, конечно. В общем, проблема в том, что я начинаю вести себя как ребенок. Сперва это незаметно было. То есть я не замечал. Но в последнее время как-то странно себя чувствую.

Доктор сразу принял серьезный и задумчивый вид. Подумав, спросил:

– В чем заключается странность?

– Стал вести себя как ребенок. Хочется играть, беситься, смеяться, шутить. Как-то так вот.

Помолчав несколько минут, он ответил:

– Я с таким не сталкивался. Может, слияние происходит? Возможно, что ваша личность начинает адаптироваться к телу. Гормоны-то другие.

– Это как-то отразится на мне?

– Не знаю. Нам с таким еще встречаться не приходилось. Ну не было у нас еще переселенцев! Это нужно изучать! Вот тебе тяжело эмоции контролировать?

– Да я их почти не замечаю, так что подавить их нетрудно. Но все равно же: не заметно, но тянет. Хотя еще в той жизни я был еще тем, хм... приколистом.

– Со временем, скорее всего, пройдет.

Разговору помешал зазвеневший телефон. Посмотрев на

дернувшегося собеседника, показал ему палку. Что сразу заставило его молча замереть. Встав на кресло, я дотянулся до аппарата.

«Блин, когда же вырасту!»

Маленький рост начал уже меня доводить.

– Алло, Костя? Сейчас придут наши люди. Так что с работы не уходи. И весь персонал чтобы оставался на месте. Понял? Алло? Костя? Почему молчишь?

Врач, дернувшись, крикнул:

– Стас, он здесь!

В трубке наступило молчание, потом послышался шорох, и Стас спросил:

– Артур?

Скрываться я посчитал бессмысленным, поэтому буркнул:

– Нет, папа римский.

В динамике снова послышался шорох. И трубку, похоже, взял кто-то другой.

– Артур Александров?

– Да я это, я!

– С вами говорит полковник Чурин. Оставайтесь в кабинете. Наши сотрудники сейчас подойдут.

– На фига? Встречаться я с вами не хочу. Поэтому слушайте меня. Я знаю, что вы хотите получить от меня информацию. И вы ее получите, не сомневайтесь. Я патриот своей родины. Но вот встречаться с кем-нибудь не хочу категори-

чески. Мне нужен номер телефона. Номер, по которому будет ждать звонка Андропов. Сегодня двадцать второе мая. Значит, двадцать второго июня, ровно через месяц, я позволю на него. Звонить буду в час дня.

– Но вы же понимаете, что это невозможно?

– Это не мои проблемы, а ваши. Номер?

– Погодите, его сейчас подготовят и вам скажут.

– Время не тяните. Номер?

Записав продиктованный номер, я хотел было положить трубку, но меня остановил вопрос полковника:

– Девяносто первый – это правда?

– Вы даже не представляете, насколько, – ответил я, после чего, не дожидаясь следующего вопроса, оборвал разговор.

Быстро сложив трофеи в коричневый портфель, на всякий случай заткнул доктору рот сделанным из полотенца кляпом и, как и в прошлый раз, покинул больницу через запасной выход. Правда, дверь его была заперта, но это не стало для меня препятствием.

Вернувшись к схрону, достал рюкзак, переоделся в темно-синие штаны и белую футболку, аккуратно сложил платье и убрал его в портфель, который сунул на место рюкзака, – Ксанке я объяснил, где искать одолженные вещи. Затем разобрался с деньгами – сунул в карманы рубль мелочью и пять бумажками, а остальное убрал в рюкзак.

Увы, воспользоваться ближайшей автобусной остановкой не получилось – там уже торчал рыжий опер. Пришлось сра-

зу же развернуться в обратную сторону.

Зайдя за дом, я задумался. Покидать город нужно немедленно. Позже будет поздно. Честно говоря, уже начал жалеть, что не свалил из больнички с родителями. Впрочем, после прихода в сознание они так и не появились. Даже матери не было, хотя она просто обязана была находиться со мной постоянно из-за маленького возраста, как та женщина из соседней палаты.

Под такие мысли я дворами прошагал несколько кварталов, пока не заметил в стороне универсальный магазин. Перебежал дорогу с удивительно слабым движением и уже спокойно вошёл в универсам.

Направо от входа располагался хозяйственный отдел, прямо – трикотажный, налево – продовольственный. Принюхавшись к запахам, направился, как всегда это делал, налево. Сперва подошел к хлебобулочному прилавку. Дородная продавщица, принявшая деньги за две буханки у седого дедушки, выбила чек. Подождав, когда она закончит, я подошел к кассе:

– Тетенька, а хлебушка ржаного купить можно? Продавщица, лишь мельком глянув на меня, ткнула пальцем в стеллажи с хлебом:

– Хлеб там. Выбирай.

«Вот курва, – подумал я про неё. – Ведь видит же, что до верхних полок я не достаю. А ржаной именно на них лежит».

Огляделся – рядом никого, чтобы помочь, не было. Пожав

плечами, подумал: «Как вы с нами, так и мы с вами».

Подошёл к стеллажу и, не обращая внимания на возмущенный вопль продавщицы, стал по полкам подниматься наверх. Ухватив буханку ржаного, начал слезать, но чьи-то руки подхватили меня и опустили на пол.

Сердито обернувшись, я увидел парня лет тридцати, смотрящего на меня с улыбкой:

– Ну что, бандит, поймали на месте преступления?

Поняв, что он шутит, ответил в том же духе:

– Да кассирша решила, что я летать умею и смогу достать сверху хлеб сам. Так пришлось ее убедить, что это не так.

Лицо парня вытянулось от удивления, и я понял, что спалился со своей речью. Но делать было нечего, надо торопиться. Склонив голову набок, спросил:

– Помочь сможешь?

Парень открыл рот. Закрыл. Снова открыл и наконец ответил:

– Чем именно?

Отведя его в сторону, сказал:

– Понимаешь, я вундеркинд. Знаешь, кто это? – после кивка парня, продолжил: – Я живу в другом районе. И там все продавщицы меня знают. А здесь я в первый раз. В общем, что мне надо, не продают. Поможешь?

Парень, ненадолго задумавшись, ответил:

– У меня времени почти нет. Если только быстро.

Меня это устраивало, поэтому я радостно закивал.

Заплатив за хлеб сердитой продавщице восемнадцать копеек, мы подошли к колбасному отделу, где я выбрал круг копченой колбасы. Пройдясь по продовольственному, купил все, что мне нужно. При оплате оказалось, что оно стоит аж три рубля с шестью копейками.

Пока ходили по магазину, познакомились. Парня звали Степан. Он помог купить мне отличный раскладной нож, литровую пластиковую фляжку, большую железную кружку и консервный нож. На все вопросы Степана про покупки я отвечал, что с родителями собрался в поход. Поэтому покупал, что не хватало. Вряд ли он мне поверил, но промолчал.

Тщательно упаковав все в рюкзак, мы вышли из магазина и распрощались. Степан торопливо направился в сторону ближайшей остановки автобуса. Так как мне надо было туда же, то я не спеша направился следом.

Зайдя в «пазик», спросил у водителя, где проходит маршрут. Оказалось, там, где нужно. Пройдя по салону к свободному месту, сел и помахал из окна Степану, оставшемуся дожидаться своего маршрута.

Положив набитый до треска швов рюкзак на колени, я стал рассматривать сидящих внутри пассажиров. С любопытством разглядывал родной, но в то же время незнакомый город, мелькавший за окном. Через двадцать минут заметил, что мы выехали в пригород Казани. Встав, подошел к двери и стал ожидать остановки. Вышел у РКБ.

Помешивая суп в большой кружке, которую я использовал вместо кастрюльки, вспоминал, как смог выехать из Казани. Это было проще некуда. Вышел на Оренбургский тракт и стал смотреть на редкие проезжающие машины. Нужная мне показалась минут через семь – старенький «москвич-403». Заметив сидящих впереди старичка и бабульку, стал активно махать руками, пытаясь обратить на себя внимание. Скрипнув тормозами, «москвич» остановился.

В окно выглянула старушка:

– Тебе чего, внучок? Аль потерялся?

Я отрицательно замотал головой:

– Нет, бабуль. Отстал я от отряда. Меня родители отпустили с братом на природу с его классом. С ночевкой... а я отстал. Может, догоним их?

Старичок, внимательно слушавший, спросил:

– Давно они отъехали?

Я пожал плечами:

– Недавно, дедушка.

– Садись, догоним!

Бабушка открыла мне заднюю дверь, и я, закинув рюкзак, залез в кабину. Представился Сашей.

Старички оказались удивительно любопытными и мучили меня вопросами всю дорогу. Я отвечал вежливо, стараясь не уклоняться от возраста пятилетнего.

– Что-то не видно, Санек, твоего автобуса. Уже километров десять проехали.

Делать нечего, хотя планировал проехать с ними подальше. Пришлось сказать, что подъезжаем к повороту на озеро, где будем отдыхать. Первая же проселочная дорога привлекла мое внимание.

– Вот, дедушка! Вон тот поворот! Мы в прошлом году тут проезжали, когда отдыхать ездили! – ткнул я пальцем в первую же просёлочную дорогу, отходившую от трассы.

Старик остановил машину, но вопросы задавать не прекратил.

– А может, не здесь отдыхать будете?

– Здесь, дедушка! У нас двоих родители на машинах привезут. Договаривались, что снова будем здесь. – Я открыл дверцу и, держа в руках рюкзак, спрыгнул на землю.

Но старичок не унялся:

– Как же все-таки они не заметили, что тебя в машине нет?

– Да я же говорил, Арсений Викторович! В автобусе сзади было навалено много вещей, а я за ними сидел. Там на заднем сиденье на кочках высоко подбрасывало. Мне прыгать нравилось. Ну а когда автобус остановился на заправке, я пописать пошел. Вернулся, а автобуса и нет.

– И что, никто не видел, что ты выходил?

– Там сзади дверь. Я через нее и вышел.

Поблагодарив и попрощавшись с подозрительным дедушкой и добродушной бабушкой и с трудом отказавшись, чтобы они подвезли меня до лагеря, демонстративно направился по полевой дороге.

Сзади послышался звук стартера. Обернувшись, помахал на прощание рукой уезжающему «москвичу» и задумался, что делать. Но тут о себе дал знать желудок, сильно забурчав.

– Ладно, давай поедим, – сказал я, похлопав себя по животу. Мышцы пресса отдались привычной ноющей болью.

Посмотрев на росший недалеко небольшой лес, прекрасно подходивший, чтобы перекусить на природе, я поправил лямки рюкзака и неспешным шагом направился выбирать место.

Зайдя в лесок, обнаружил, что он занят. На небольшой поляне стояли красные новенькие «жигули-двойка» с открытым капотом, рядом с которыми суетился невысокий парень лет двадцати двух. В стороне на расстеленном одеяле сидели молодая женщина и две девочки дошкольного возраста. Меня они не видели.

Минуты две понаблюдав за метаниями парня вокруг машины, понял, что он полный ламер в обращении с техникой. Это же подтвердили едкие комментарии женщины, внимательно наблюдающей за его вознёй:

– Ну зачем ты там лазил? Если бы не твое любопытство, мы бы уехали отсюда уже час назад. – Женщина еще минуту пилила его.

Тихо отступив вглубь леса, я оставил семью на поляне и трусцой двинулся дальше. Через полкилометра с меня градом тек пот, а сердце готово было выскочить из груди – то ли из-за возраста, то ли из-за лечения, но физическая форма

у меня не фонтан.

Оглядевшись и решив, что место достаточно живописное, да ещё и родник рядом, развёл небольшой костерок, сварил в кружке суп из пакета и, долив во фляжку воды, направился дальше после получасового отдыха.

Перейдя вспаханное поле, я опять вышел на проселочную дорогу и почти два часа топал по ней мимо дач, пока вдали не показались окраины Казани. Затем свернул в лесополосу, отыскал подходящую группу кустов и, спрятавшись за ней от дороги, стал устраиваться на длительную стоянку. До наступления темноты, когда можно было бы войти в город, времени хватало, так что можно было заодно и поужинать.

Слушая перестук колес под вагоном, я начал уже подремывать, как вдруг что-то привлекло мое внимание. В голове сразу же включился аналитический процессор. Ложный след с машиной и старичками я оставил жирный. И он должен был сработать. На железнодорожный вокзал пробрался чисто. Самое сложное – влезть в товарный вагон следующего в нужном мне направлении поезда – прошло как по маслу. Тогда в чём же дело?

Посторонний шум! Кто-то ходил по крыше вагона, и он был не один. Похоже, неизвестные взобрались на поезд во время заметного торможения на одном из поворотов.

Вдруг дверь медленно поползла в сторону, и в щель протиснулась невысокая удивительно подвижная фигура в тём-

ной одежде. Благодаря яркому свету луны, я сумел разглядеть, что это парень, и, спрятавшись за пустыми картонными коробками, принялся наблюдать за ним.

Осмотревшись, неизвестный высунулся наружу, что-то сказал, принял от напарника какой-то предмет, а ещё спустя пару минут возле так и незакрытых дверей сидели уже трое. Причём один из них – высокий в плаще – забрал у парнишки неизвестный предмет, оказавшийся автоматом Калашникова.

Судя по всему, «гости» были беглыми зэками, вряд ли де-зертирами. Не то время.

Медлить было нельзя – рано или поздно они обыщут вагон и обнаружат меня.

Возблагодарив собственную предусмотрительность, заставившую потренироваться в метании скальпелей во время стоянок на станциях, я медленно, прячась за коробками, стал сдвигаться к углу, где находился мой рюкзак. Добравшись до него, достал из кармашка чехол со скальпелями. Заодно и перочинный нож, который использовал как кухонный. Лишний шанс не помешает.

Проблема в том, что уверенный бросок получался у меня на расстояние не более пяти метров. До попутчиков же было около восьми.

Выйдя из-за коробок, тенью проскользнул вдоль стены. Меня никто не заметил.

Первый скальпель получил в глаз шустрый парнишка. Я

вложил в бросок все силы. Голова беглеца дернулась, и он начал заваливаться назад. Но смотреть на него было некогда – я наблюдал за полетом второго скальпеля, кидая третий. Второй получил громила. Так как он сидел ко мне спиной, то скальпель вошел ему в шею, достав позвоночник.

Третий успел дернуться в сторону, и пришлось бросать последний, использовавшийся как тренировочный. Этот попал куда надо.

Минут десять мне пришлось сидеть в стороне, успокаивая еще не привыкшее к адреналину сердце. Выброс был мощный, и у меня изрядно тряслись руки.

Успокоившись, вытер рукавом куртки потный лоб, встал и двинулся к своему рюкзаку. Вытаскивание скальпелей и обыск трупов должны быть кровавыми. То есть я мог запачкаться. Поэтому, прежде чем приступить, пришлось полностью снять с себя одежду. Разорвав одну из картонных коробок, спичкой поджег ее. Неяркий огонек осветил побоище.

«М-да, привычное для меня зрелище, и не такое видеть приходилось!»

Сначала я занялся громилой. Сдёрнув с ремня обнаружившийся под плащом подсумок с запасными магазинами, отложил его в сторону вместе с АКМом, быстро проверил карманы и перешёл к следующему – мужичку в гражданской явно с чужого плеча одежде. Итог – ворох мятых купюр мелкого достоинства, ПМ и запасной магазин к нему. Понюхав ствол, определил, что, в отличие от автомата, из пистолета

не стреляли. Третий, и самый молодой, был чист. Кроме мелочи в карманах и десятка таких же смятых купюр, как и у остальных. Теперь предстояло самое грязное. Вытаскивание скальпелей. За пару минут справился и с этим, но как ни берегся, сумел испачкаться.

Помыв скальпели водой из бутылки, убрал их в чехол, а чехол в рюкзак. Туда же уложил и ПМ с запасным магазином. Отрезав от рубашки одного из убитых кусок материи, протёр места, которых касался, уделив особое внимание автомату и железным ручкам двери. Помывшись остатками воды, оделся и, убрав в бумажник, в отдельный отсек, найденные деньги зеков, стал собираться.

С сожалением поглядел на автомат – увы, но машинка не для моего нынешнего тела. Придётся оставить.

Достав пакетик с перцем, посыпал все, что можно, подошел к открытой двери и стал ждать, когда состав замедлится.

Оставаться опасно. Вычислить, в какой поезд беглецы могли сесть, не проблема, поэтому надо валить, пока не поздно.

Прыгать на ходу в моем возрасте смерти подобно. Но держаться было некуда. Я сидел, свесив ноги в темноту, и, держа рюкзак на коленях, ждал, когда товарняк хоть немного сбавит ход. Ждать пришлось почти час. Заметив, что поезд начал притормаживать, приготовился.

Впереди в ночи показались огни станции. Замедлившись,

товарняк проехал платформу для пассажиров, на которой стояли люди в форме и с оружием. Но я этого уже не видел. Только успел разглядеть отсветы фонариков и лай собак, когда убежал от прогремевшего мимо состава. На ходу достав из бокового кармана рюкзака последний пакетик с перцем, стал посыпать мелкими порциями свои следы.

Железнодорожная станция находилась на окраине небольшого городка. Бежать в темноте было не очень удобно. Как назло, луна скрылась за тучами и видимость сильно упала.

Двигаясь практически на ощупь, я вышел на пустынную асфальтовую дорогу, посмотрел на близкие огоньки городка и, поправив рюкзак, направился к нему прямо по шоссе.

Темная громада здания выросла передо мной через полчаса хождения по населенному пункту. Обойдя здание, обнаружил, что это школа.

Вскрыть замок задней двери удалось только через десять минут – он оказался на удивление приличным. Немного поблуждав по первому этажу, я наконец добрался до учительской, оказавшейся незапертой, и завалился спать на диван, предварительно подперев дверь стулом.

Утро встретило меня щебетом птиц за окном, и женским криком из коридора.

«Черт, проспал!» – мелькнула паническая мысль.

Быстро достав часы, обнаружил, что уже полвосьмого. Следовало поторопиться. Хорошенько зевнув и потянувшись, вскочил и сделал несколько разминочных движений. Углядев на тумбочке в углу графин с водой в окружении стаканов, напился, долил флягу и, плеснув немного в ладонь, обтёр лицо.

Учительская находилась на первом этаже. Подойдя к окошку и взобравшись на подоконник, оценил расстояние до земли. Нормально, невысоко. Спрыгнув на пол, я подошел к двери и, убрав стул, выглянул в коридор. Он был пока пуст.

Пожав плечами, вернулся к дивану и, подобрав рюкзак, ушел через окно, обнаружив при этом еще одну проблему. Когда бросал скальпели, невольно потянул связки руки. Теперь она плохо поднималась выше плеча. Требовалось отыскать какую-нибудь нору и спрятаться в ней, чтобы физически привести себя в порядок.

Город встретил меня приятной свежестью и солнечными лучами весеннего утра. Отойдя от школы, попытался определиться, где я. На улице народу было не очень много. Пристроившись рядом с бойкой старушкой и делая вид, что мы вместе, направился вслед за ней. Пройдя две улицы, мы вышли на небольшую площадь недалеко от железнодорожного вокзала, на которой находился продовольственный рынок. У афиши я сразу засек милиционера, который внимательным взглядом просеивал людей на площади. Отлипнув от так ни

разу и не обернувшейся бабки, направился вглубь прилавков.

Этот рынок стал для меня просто неограниченным источником информации. Прогуливаясь и внимательно слушая разговоры вокруг, я анализировал услышанное и делал выводы. Самым печальным было, что город наверняка оцеплен и огородами не уйдешь. Конечно, вряд ли ищут именно меня, но задуматься стоит. Не знаю, выяснили ли, во что я одет, что стащил из больничного гардероба, но сменить одежду не помешает. В магазин не пойдешь: будут вопросы, почему маленький мальчик покупает без родителей. Поэтому остался самый простой путь.

Черт, то, что я оказался именно в себе пятилетнем, просто бесило. Покинув рынок, направился гулять по городку. Нужное мне здание обнаружил довольно быстро. Завертев головой, я подошел к густым кустам шиповника, растущим у высокого забора. Протиснувшись в небольшой проход, оказался внутри зарослей. Вытащив из рюкзака вещи, аккуратно сложил их, прикрыл сверху грязной футболкой и выбрался обратно.

Подойдя к примеченному ранее детскому садику, прошмыгнул в раздевалку старшей группы и стал быстро открывать шкафчики.

В каждом брал что-то одно. Плотно набив рюкзак, вышел на улицу, улыбнулся женщине, ведущей за руку маленькую девочку, и подумал: «До чего докатился, опять граблю де-

тей».

Переодевшись в ближайших кустах (за что мне нравятся такие городки, так это за обилие растительности), вернулся на рынок. Теперь на мне были плотные синие брюки, серая футболка, отличные полуботинки и старая серая куртка.

Немного побродив по базару и послушав сплетни, купил в рядом находящемся магазине зубную пасту, щетку и мыло в мыльнице. В продуктовом отделе пополнил запасы перца и продовольствия, беря в основном хлеб и колбасу. Выйдя и держа в руках еще теплую сладкую булочку, завернутую в бумагу, направился к станции. Там, купив в автомате стакан газировки с сиропом (пришлось просить взрослых о помощи – самому роста не хватило), с аппетитом съел булочку, внимательно присматриваясь к людям.

Допив газировку и взяв рюкзак, лежащий под ногами, направился к группе детей лет десяти, идущих к вокзалу в сопровождении двух взрослых мужчин. Подойдя ближе, стал внимательно слушать, о чем они говорят, и был изрядно обрadowан: выяснилось, что они едут в поход под Ленинград. И что поезд идет до самой северной столицы.

Пристроившись за ними, спокойно сел в поезд и пошел в вагон-ресторан. Подошедшую официантку попросил принести поесть.

Пока обедал, мимо несколько раз проходили парные ми-

лицейские патрули, осматривающие взрослых пассажиров. На детей и подростков они не обращали внимания. Значит, ищут остальных беглых зеков. Наконец, лязгнув сцепкой, поезд тронулся и стал набирать ход, погромыхая колесами на стыках.

Расплатившись за обед и наврав любопытной официантке, что еду в поход с «четвертым Б», где вожатым мой брат, я вышел из-за стола, пропустил милиционера и направился в противоположную от него сторону.

Пройдя пару вагонов, наткнулся на проводницу с плутующими глазами. Посмотрев, как она разговаривает с пассажиром, подумал: «А что? Вполне может быть».

Подождал, когда она зайдет к себе в купе, постучал:

– Здравствуйте, тетенька, можно мне зайти? Проводница пропустила меня внутрь и закрыла дверь.

Подойдя к столику и скинув рюкзачок на сиденье, я достал пятёрку рублей и вместе с запиской якобы от бабушки, накарябанной мной в вагоне-ресторане, протянул женщине, спросив:

– Можно мне с вами доехать до Ленинграда? Проводница заметно растерялась:

– Что? Как?

Не дав ей засыпать меня градом вопросов, объяснил:

– Это денюжку бабушка дала. Сказала, чтобы я отдал ее тетеньке проводнице вместе с запиской, и она довезет меня до дома.

Женщина взяла протянутую записку, проигнорировав деньги, и стала вчитываться в содержание листочка из блокнота...

В общем, записка от якобы больной бабушки, купюра и очаровательная улыбка сыграли свою роль. Правда, пришлось пообещать, что она проводит меня прямо до дома в Ленинграде.

Из купе проводницы я не выходил все пять часов пути до конечной станции, разве что перед конечной в туалет сходил.

Город встретил нас мелким дождиком и сбивающим с ног ветром. Попытка по-быстрому смыться не получилась. Проводница все время ошивалась в коридоре, из-за чего мне пришлось вернуться в купе. Выглянув в окно, ничего, кроме мокрых рельсов и каких-то построек вдали, не заметил. Встав на стол и отжав защелку, с трудом потянул вниз окно, не дойдя до конца, оно остановилось. Но чтобы протиснуться хватило! Высунув голову наружу, внимательно осмотрелся. Невдалеке находился какой-то тип в дождевике, стоящий ко мне спиной.

Быстро протолкнув рюкзак наружу, я аккуратно бросил его на щебень возле рельсов. Взглянул на типа в плаще – тот не изменил своего положения – вылез следом. Щебень больно ударил меня по пяткам. Кувыркнувшись, чтобы погасить инерцию, схватил рюкзак и направился вдоль поезда.

Добравшись до складов, обнаружил, что один из них не

используется из-за здоровенной дыры в боковой стене. Поскольку я был уже насквозь мокрым, решил устроить в нём временную стоянку. Тем более что выгородка кладовщика уцелела – даже стёкла оказались на месте!

Разведя костерок и развесив вокруг него выжатую в меру сил одежду, натянул извлечённую из рюкзака сыроватую рубашку. Судя по старому кострищу, не я первый обнаружил это место, так что надолго задерживаться в нём не стоило.

Пока вещи сохли, осмотрел помещение и нашёл в углу местную газету недельной давности. И очень заинтересовался фотографией на первой странице. Точно, это лицо мне было знакомо, видел репортаж о нем в одной из передач еще в свое время.

Закончив читать, надел еще горячую, но до сих пор влажную одежду, после чего убрал в рюкзак аккуратно сложенную газету и вышел под начавшийся проливной дождь. С территории станции я выбрался только через час – уж больно она была большая.

Город я совсем не знал, попросту никогда в нем не был, и ориентироваться, тем более в сумерках, оказалось очень сложно, а очень хотелось отдохнуть и высушиться. И когда я заметил детский сад, долго не раздумывал – быстро осмотрев заднюю дверь и не обнаружив сигнализации (то ли не увидел из-за своего роста, то ли её просто не было), с трудом вскрыл замок. Проникнув внутрь, разулся, поскольку на ботинки налипло много грязи, и, шлепая по полу мокрыми

носками, на ощупь двинулся вглубь здания.

Спокойное место для себя я нашел на третьем этаже, в спальне одной из старших групп. Отыскав ведро, выжал мокрую одежду и применил дедовский способ. Аккуратно растелив её на одной кровати, накрыл одеялом с соседней, уложив поверх получившегося «бутерброда» матрац. Постелив на него простыню и взяв подушку, заметил слабый свет, чиркнувший по окну.

Взобравшись на подоконник, увидел на улице человека в дождевике и с фонариком в руке. Человек вдруг протянул руку ладонью вверх, после чего снял капюшон. Только тут я заметил, что дождик закончился. Скорее всего, это был сторож. Мазнув фонариком по окнам, что заставило меня отшатнуться, он подошел к парадному входу, задержался на несколько секунд и двинулся дальше, скрывшись за углом.

Проводив сторожа подозрительным взглядом, я подошел к двери и заблокировал ее стулом. Так, на всякий случай. После чего пошел отмывать ботинки в туалет, через полчаса кровать без скрипа приняла мое уставшее тело.

Казалось, только закрыл глаза, а уже солнышко слепит сквозь стекло. Перевернувшись на другой бок, я сладко зевнул и потянулся. Вот как попал в это тело, так вставать утром не просто неохота, а прямо-таки неважно. Взяв часы со стоящей рядом тумбочки, посмотрел на время, и тут же вырва-

лось:

– Блин, пять утра же всего!

Встав и еще раз сладко зевнув, с недовольным выражением лица направился в туалет. Теперь понял точно, что не люблю ранних подъёмов. В свое время я вставал поздно, привык. После водных процедур вернулся в спальню и стал делать уже привычный разминочный комплекс. Сегодня мышцы почти не болели, только когда начал отжиматься на кулаках, стало покалывать в трицепсах. Через час после разминки мокрый как мышь вернулся в туалет и помылся над раковиной, вытершись висящими на крючках полотенцами. Все-таки удобно, даже раковины под мой рост. Насвистывая бодряю мелодию из репертуара Татьяны Булановой, вернулся в комнату.

Приведя спальню в порядок, оделся в высохшую одежду, собрал выложенные для просушки вещи во всё ещё влажный рюкзак и, посмотрев на часы, стал ждать, наблюдая за черным ходом.

Первым появился тот сторож, оказавшийся седым стариком. Звякнув ключами, стал открывать дверь, через которую я попал в здание. На часах было без пяти семь, нормально, как раз в это время и должны подходить сотрудники детсада. Как только сторож скрылся в здании, я, спрыгнув с подоконника, направился на кухню, где спрятался за большой плитой и опять стал ждать. Спустя несколько секунд раздался скрип открывшейся двери, и через помещение прошествовал ста-

рик. Посмотрев ему вслед, я закинул лямки рюкзака на левое плечо и вышел во двор. Быстрым шагом дойдя до угла здания, осмотрелся. И увидел совсем рядом двух женщин, идущих к садику. Резко повернувшись, побежал на другую сторону и едва успел укрыться в домике на игровой площадке, как появились обе женщины – судя по комплекции, поварихи – и, беседуя, неторопливо направились к открытой двери.

– Ой, Павловна, что-то не верится. Прямо побил?! До крови?!

– Сама удивилась. Всегда спокойным был, а тут... Как начал его гонять да ремнем... – Женщины скрылись в здании, не дав мне дослушать продолжение разговора.

Хмыкнув, я выбрался из домика и, шагая вдоль стены детского сада, направился к выходу с территории.

«Так, сегодня вторник, двадцать пятого. Значит, с того дня, как я очнулся, прошло чуть более трех дней. Звонка ждут через двадцать семь дней, но планы у меня изменились. Обойдутся».

На открытые участки улицы старался не выходить. Шел, вертя головой во все стороны. Чуть что – сразу нырял в какое-нибудь укрытие.

По поводу возраста и роста у меня был только мат. Как же заколебало от всех прятаться! Я получил новое тело взамен старого не для того, чтобы прятаться по всяким кустам! А для новой жизни! Новой!!! И собирался обеспечить себе ее на все сто. Не деньгами, нет. Уверенностью в будущем, сча-

ствием и спокойствием. Я не хотел беспредела девяностых. Не хотел позволить внешним и внутренним врагам развалить СССР. Два года в инвалидном кресле заставили по-другому взглянуть на свою жизнь. Да я сам изменился после потери ног, хоть и раньше паинькой не был, после двух лет существования, а не жизни, я стал еще более невыносим. Это другие быстро становятся растениями, можно сказать, забитыми существами, но со мной такого не случилось. За это можно сказать спасибо моему брату, который свел к минимуму общение с врачами, и моему характеру. И сейчас я направлялся на поиски того, кто реально мог в этом помочь. Того, кто не даст развалить государство. Поэтому-то снаряженный и вычищенный снаружи пистолет лежал сверху в рюкзаке, готовый к бою.

Прошмыгнув в небольшой сквер, я вышел к каналу, подошел к парапету и, просунув голову между столбиков ограждения, с интересом осмотрел проплывающий мимо трамвайчик. Оглядев канал дальше, заметил метрах в трехстах пешеходный мостик, изгибающийся кверху. Вдруг какая-то сила выдернула меня с места наблюдения и подняла вверх. Вот блин, только что никого же не было!

С бешенством поглядел на качка, одетого в смешной мешковатый спортивный костюм и кеды. Теперь понятно, как он тут оказался – спортсмен. Скорее всего, бегал-тренировался по набережной. Заметив задницу, торчащую из ограждения,

решил проявить героизм, спасая глупого мальчишку.

«Ага, щаз!»

Сердито посмотрев ему в глаза, вежливо попросил:

– Поставьте, где взяли!

Но парень, широко улыбнувшись, ответил:

– Ага, поставлю, а ты опять к парাপету. Потом бултых, и поминай как звали. Родители где? – На землю он меня все-таки поставил.

«Хм, позитивный. Даже бить жалко!» – подумал я, прикидывая свой и его вес.

Сразу видно, что в жизни у него все хорошо. Прямо так и светится внутренней энергией. У меня в группе был один такой, все сверкал голливудской улыбкой. А после плена смех в его глазах исчез навсегда. Гнилая та история с пленением была, гнилая. Вспоминая, невольно поморщился, отчего парень спросил:

– Случилось чего, малыш?

И отшатнулся от моего бешеного взгляда. Видно, мои ужимки он принял за желание заплакать. Выдохнув сквозь стиснутые зубы и подавив желание говорить матом, уже свободней сказал:

– Деда потерял. Вот ищу.

Парень огляделся. Среди прохожих никого похожего на пожилого человека не было. Смотря на его поиски, спокойно сказал:

– Я помню, где он живет.

Держась за пальцы качка, я шёл с ним в указанном мной направлении и вспоминал бойца с голливудской улыбкой.

Началось все с того, что он в одной из операций по уничтожению диверсионной группы противника изрядно пострелял. В том бою сержант Коваль из своей снайперки снял несколько боевиков, включая некого Шамиля, командира группы. Правда, приказ был брать бандитов без полного уничтожения, но я на этот раз положил на него, за что и получил после операции. Однако жесть была в том, что у этого Шамиля оказалось несколько братьев, как и он, из непримиримых. И они назначили изрядную сумму за живого, а не мертвого убийцу брата.

Его продали свои! Свои!!!

Воспоминание было не очень приятным. Натворил я тогда делов, после этого меня все, кто был в курсе, за глаза называли отморозком. История началась, когда я со своей группой возвращался после выполнения поставленной задачи. Радист получил кодированный сигнал с базы. После моих переговоров с командиром, полковником Тарасовым, которого мы все называли Дед, ко мне подошел зам, лейтенант Егор Шепелько. Сам я тогда еще бегал в звании старшего лейтенанта.

– Что там, командир?

– Разведка засекла вот в этом квадрате группу боевиков, – достав карту, показал где.

Егор, почесав переносицу, хмыкнул:

– Совсем рядом. Километров восемь, если по прямой.

Много их?

Я пожал плечами:

– Дед сказал, около двух десятков. Просил хотя бы половину взять живыми.

– Раз надо, значит, возьмем.

Сложив карту, объявил отдыхающим подъем. В моей РДГ – разведывательно-диверсионной группе – было пятнадцать бойцов. Привычно попрыгав и пропустив головной дозор, мы двинулись. Я решил перехватить банду на одной из троп по пути следования.

В общем, как и предполагал, встретили мы их вовремя. Бойцы, успевшие хорошо укрыться и наметить ориентиры, готовились к бою. Снайперы заняли позиции чуть в стороне и на возвышенности с охраной из трех бойцов. Как только услышал щелчки по рации от дозора, приказал готовиться.

Саперы, в это время заканчивающие установку и маскировку растяжек по обочине тропы, быстро скрылись на заросших лесом склонах.

«Эх, жалко, МОНки закончились», – подумал я. С операции мы возвращались почти пустыми, на минимуме.

Вот в просвете ветвей склонившегося над тропой дерева показалось передовое охранение чеченцев. Три боевика в заграничном камуфляже грамотно двигались, страхуя друг друга. Ничего не заметив, бандиты проследовали дальше,

ими займется Егор с двумя бойцами, следующие параллельно.

Показался первый боевик основной группы. Отодвинув стволом автомата мешающие ветки, осмотрелся и, не заметив засады, махнул кому-то рукой и последовал дальше. За ним стали выходить тяжело нагруженные боевики.

Наконец дозор подал сигнал, что все боевики прошли, и я первым открыл огонь. Выпустив полмагазина и свалив двух бандитов, отправил гранату из подствольника в группу огрызающихся огнем боевиков. А когда ответный огонь был полностью подавлен, приказал снайперам добить раненых. Раздалось несколько хлестких выстрелов, после чего Шалепин, старший снайперской группы, доложил, что движения не наблюдает. Пока досмотровая группа под командованием прапорщика Топорова занималась контролем, связался с замом:

– Слон, что у тебя?

– В порядке, командир. Сейчас будем. Как у вас?

– Тоже норма. Топор работает!

– Ясно.

Возвращение на базу не сказал бы, что было триумфальным. На КПП меня вежливо попросили к Деду на подробный доклад – по рации я рассказал только в общих чертах. Из кабинета полковника вышел на цыпочках и неторопливо направился к своей казарме.

Да, давно меня так не имели. Последний раз видел Деда таким злым месяцев пять назад, после того как уничтожил куратора боевиков в этом районе.

Наша база находилась в расположении мотострелкового батальона. Да и документы мы имели разведвзвода именно этого батальона.

Зайдя в комнату, которую я делил с Егором, застал его готовящимся к процедуре омовения – проще говоря, он собирался в душ. Сбросив сбрую и разгрузку, поставил автомат в шкафчик, используемый нами как арсенал. Потом почищу. Сходил, проверил, как мои раненые бойцы, вернулся и, почистив оружие, направился в душ.

Об объявленной цене за голову того, кто убил Шамиля, я узнал от своего информатора, когда пришел на встречу. Наиль сообщил, что боевики не знают, кто именно это сделал, но уверены, что бойцы батальона. И последние два дня вокруг базы идёт подозрительное шебуршание.

Особисты с ног сбивались, но никого поймать не смогли. А еще через три дня пропал мой сержант-снайпер, не вернувшись из увольнительной в город.

– Твоего человека взяли люди Аслана. Большие деньги, Михаил, кружат голову.

Наиль поставил чашку с чаем на стол и, взяв заварочный чайник, долил мне и себе. Прихлебывая обжигающую жидкость, я думал. Мысли метались в голове, меня переполняла

просто черная злоба: взяли моего парня, этого я никогда не прощал и прощать не буду. Поставив чашку на столик, посмотрел прямо в глаза Наилю, что заставило его испуганно отшатнуться:

– Рассказывай, что знаешь! Кто? Где? Когда?

От информатора я вышел с изрядно опустошенным кошельком и с некоторой информацией. Наиль работал только за деньги, и немалые. В общем-то, платить было чем. С убитых боевиков снималось не мало зеленых бумажек, которые шли в общий фонд. Понятное дело, о них не сообщалось никому, хотя я думаю, что Дед об этом подозревал.

Выйдя на улицу села и поправив ремень автомата, сползающий с плеча, направился к базе. Сзади следовала пара бойцов, страховали меня на всякий случай. Пройдя сквозь базар и поздоровавшись со знакомыми офицерами из местной комендатуры, подумав, повернул и направился к следующему стукачу.

Возвращаясь на базу, анализировал поступившую информацию. По ней Шепелева взяли в чайхане, куда он зашел. После заряженного напитка сержанта вынесли через черный вход и погрузили в армейскую «буханку» с красными крестами. Но не это было главное: я знал, КТО его взял.

Получив от Деда добро, взял в парке пару бэтээров и, прихватив всю группу, кроме раненых, направился по известному мне адресу.

Наблюдая за большим, крашенным известкой домом, стоявшим на окраине небольшого аула, подслушал с помощью трофейного японского сканера переговоры часовых, потом нажал два раза на тангенту, давая сигнал на открытие огня.

Двое часовых, прохаживающиеся у ворот, синхронно повалились на утрамбованную землю от неслышных выстрелов «Валов». Снайперы страховали штурмовую группу, подбегавшую к воротам и сделавшую контроль из пистолетов с глушителями. Потом во двор полетели светошумовые гранаты, и бойцы, выстроившись лесенкой, перекидывали штурмовиков одного за другим через забор. После бойцов пришла и моя очередь.

В дом через окна также полетели светошумовые гранаты. Подождав пару минут, пока бойцы закончат, я спокойно зашел в разгромленную комнату, в которой находился Аслан в окружении своих людей, сейчас лежавших уткнувшись лицами в пол и со скрученными за спиной руками. Их оружие было свалено в углу. Показав Топорову на Аслана, приказал:

– Этого в отдельную комнату.

Сидя на мягкой подушке и держа в руках пиалу с чаем, я посмотрел на связанного пленника:

– Ну что ты, Аслан, творишь? Похитил моего человека. Знаешь, я могу и обидеться!

Пленник поднял голову и посмотрел на меня. Потом, перекатившись на спину, сел. Я с улыбкой наблюдал за ним.

Поставив пиалу на маленький чайный столик, спросил:

– Где мой боец?

– Да пошел ты!..

Через минуту мне наскучило слушать мат. Достав из набедренной кобуры «Стечкин», хладнокровно прострелил ему ступню. Боли он боялся, очень боялся, и вся его напускная храбрость быстро сползла. Дослушав рассказ стонущего Аслана до конца, я спокойно подняв лежащий рядом пистолет и выстрелил ему в грудь два раза. Повернувшись к находящемуся в комнате Егору, скомандовал:

– Полная зачистка дома!

– Там его семья!

– Ты слышал, полная.

Через пять минут мы уходили от начавшего разгораться дома, около которого появились первые соседи, в сторону небольшой горы, где оставили наши бэтээры. Мы возвращались на базу. Туда, куда увезли Антона Шепелева, соваться без серьезной подготовки не стоило.

Дед, покачав седой головой, переспросил:

– Ты уверен, что его увезли именно в эту горную деревню?

– Аслан так говорил. Его передали вот на этой дороге боевикам на двух джипах. По описанию, которое дал Аслан, это люди старшего брата Шамиля, Рамзана.

– Ты знаешь, что будет, если твою группу уничтожат.

– Я уже разработал план. Нужен вертолет, чтобы выбросил

нас вот здесь. — Я показал на карте где.

Склонив голову, Дед задумался, потом согласился:

— Ладно, под твою ответственность. С вертолетчиками я сам договарюсь.

Сидя на лавке около иллюминатора, я смотрел на проносящуюся под брюхом вертолета землю, камни, «зеленку» и небольшие речушки. В наушниках раздался голос пилота:

— Старшой, подлетаем. Готовьтесь, через две минуты высадка.

— Понял, две минуты, — не снимая наушников с головы, переключился на наш канал: — Всем внимание. Прибываем через две минуты. Проверить оружие и амуницию.

В вертолете началось шевеление. Гул стал сильнее, и я становился то легче, то тяжелее. Пилот маневрировал, стараясь найти хорошее место для высадки.

— Все, лейтенант, норма, — раздалось в динамиках наушников.

Стоящий у пулемета бортмеханик открыл боковую дверь. После моего знака бойцы один за другим стали исчезать в проеме. Прежде чем скинуть наушники, полученные от вертолетчиков для связи с экипажем, услышал:

— Удачи!

Склон, заросший изумрудной травой, мягко ударил меня

по ногам. Перекатившись, чтобы погасить энергию прыжка, я вскочил и побежал к своим бойцам, занявшим на скло- не горы круговую оборону. Громко ревя двигателем, верто- лет мелькнул синим брюхом и ушел за гору. Через некоторое время последовали доклады:

- Чисто!
- Норма!
- Чисто!..

Получив доклады от всех бойцов, приказал начать движе- ние. Роли были давно распределены, и каждый знал, что де- лать. Тройка парней, мой передовой дозор, уже скрылась в «зеленке». Мы бегом последовали за ними. Боевики навер- няка засекли вертолет и сделали выводы. Поэтому от места высадки нужно уйти как можно быстрее.

– Смотри, командир. Видишь, у той постройки появился еще один.

– Четвертый. Тебе не кажется, что четверо часовых только с этой стороны – слишком много?

– Да, многовато. – Прапорщик Топоров внимательно осматривал подходы к горному аулу, к которому мы подо- шли полчаса назад.

– Ждем еще десять минут, потом начинаем, время играет против нас.

– Я бы на их месте вот этот склон заминировал, – посмот- рев в бинокль на то место, куда указал Топор, согласился с

ним.

Пора связываться с Егором, который ушел с пятью бойцами на противоположную сторону.

– Седой – Хохлу, доложишь!

– Наблюдаю трех часовых!

– Полная информация! – слушая Егора, осматривал деревню.

На штурм пойдут всего семеро, это считая меня. Остальные в снайперском прикрытии. Командир стрелков, старший лейтенант Шалепин, тоже был очень зол за похищение своего подчиненного. Поэтому вооружил тех из моих парней, кто хорошо умел обращаться со снайперским оружием. И я ещё выделил по автоматчику им в прикрытии. Получилось три пары.

В результате наблюдения мы выявили еще два тайных поста, похожие на замаскированные пулеметные точки – уж больно хорошие позиции у них были.

– Отсчет – минута! Пошел! – В голове мысленно затикали часы.

Пробираясь через заросли кустарника, я по-пластунски преодолел открытое пространство. Метрах в двадцати виднелся забор. В ауле люди Рамзана занимали всего три дома.

Время, я терпеливо ждал доклада снайперов об уничтожении часовых.

– Норма!..

– Начали! – поставив ногу на сцепленные руки бойца, пе-

рекинул себя через забор. Перекатившись, встал на одно колено и, держа автомат наготове, сканировал двор. Рядом слышались удары берцев о землю.

Покосившись на бойцов, приказал:

– Вперед!

Полное уничтожение банды заняло почти двадцать минут. Только в одном доме оказали сопротивление, успев запереться в нем. И только опасение, что сержант находится там, мешало нам перейти к активным действиям. Развязал нам руки сигнал от прапорщика, что они нашли Шепелева. После чего два выстрела из РПО положили конец последним боевикам. Выслушав доклады от всех групп, я направился к Топорову.

– Где он? – спросил у бойца, выскочившего из-за угла дровяного сарая, неся в руках связку трофейных гранатометов.

– Там, у зиндана. Туда уже Док убежал. Док был нашим штатным врачом.

Зиндан находился во дворе самого большого дома. Подойдя к бойцам, суесящимся у ямы, из которой шел смрад немых тел, нужника, гниения, и еще чего-то, спросил склонившегося над лежащим на земле сержантом бойца:

– Что скажешь, Док?

– У него переломаны ноги. Сейчас без сознания. Похоже, что молотком прошлись. Издевались, су...и.

В это время из ямы бойцы вытащили еще одного. В зин-

дане, оказалось, сидело шесть человек, считая нашего снайпера.

С шестью освобожденными пленными, с трудом передвигающими ноги, мы бы далеко не ушли. Пришлось, как это ни опасно, вызывать вертолет прямо в аул.

Снова сидя у того же иллюминатора, я смотрел на все больше и больше удаляющуюся землю. Селение, смутно видневшееся сквозь дымок от горящего дома, становилось все меньше и меньше. Убедившись, что мы отлетели на безопасное расстояние, кивнул Егору. Зам, державший в руках черный пенал с кнопками, с улыбкой нажал на одну из них. На месте аула появились многочисленные облака разрывов.

– Докладывай, Александров, как все прошло. – Выглядел полковник Тарасов не ахти. Видно, переживал, пока мы были на операции, хотя она и заняла всего восемь часов.

– Норма, товарищ полковник. Пришел, увидел, уничтожил на хрен.

Дед мрачно посмотрел на меня. И вся веселость мигом слетела. Вытянувшись, отрапортовал:

– Операция прошла успешно, потерь нет. Ранены двое, сержант Дружинин получил пулю в броник, сломано два ребра. И старшина Говорков получил осколок в мякоть правой руки при уничтожении оборонявшихся в доме боевиков. Освобождено шесть пленных...

Я рассказывал в подробностях, как глушилками лишили боевиков связи, оставив только свой канал.

Как штурмовали, как захватили трех пленных, один из которых зам Рамзана. Как доставали раненых из зиндана, как сваливали оттуда. С какими трофеями вернулись. Что говорят в госпитале, в который мы сразу сдали освобожденных заложников. Положив на стол командира список с данными пленных, закончил:

– Жаль только, пленные ничего сказать не смогли о том, кто сдал Антона. Очень хотелось бы знать.

Заметив внимательный взгляд Тарасова, постарался сделать честное выражение лица. Глаза Деда из внимательных сделались подозрительными:

– Точно ничего не рассказали? Я ведь знаю, как ты допрашиваешь, камень плакать будет.

– Так точно, товарищ полковник, ничего. Там фактически полутруп был, сдох, ничего не сказал.

– А остальные?

– Бычье обычное, ничего не знали, там прям и кончили их.

– Ладно, садись, рапорт пиши. Напишешь, что, по информации от твоего стукача, Рамзан прикупил несколько ПЗРК. Сейчас это серьезная тема.

Написание рапорта заняло почти полтора часа. Отдав результат полковнику, вышел на крыльцо штаба, осмотрелся и

направился в казарму подбирать бойцов для ночного развлечения. Да, я соврал Деду, зам Рамзана успел нам поведать многое. Именно он курировал захват Антона, проплата предателю тоже шла через него.

Прапорщика Микусюка нашли рано утром за территорией базы с распоротым животом, набитым деньгами. Дед тряс меня за это происшествие почти два месяца, но бойцы божились, что я был в своей комнате. Так как именно в этот день им приспичило постоянно заходить ко мне по своим надобностям. Чайхана, в которой взяли Антона, вдруг вспыхнула и сгорела вместе с хозяевами, которые не успели выбраться.

Дед прикрыл меня от нападок со стороны нашего ведомства, когда зашевелились особисты. Антону мы отдали все деньги, что обнаружили у Рамзана. На гражданке они ему пригодятся – врачи списали его подчистую. Благо дома у бывшего снайпера было кому позаботиться о нем. А через неделю погиб Егор. Мы даже не успели обмыть его звездочки старшего лейтенанта.

Вопрос спортсмена отвлек меня от воспоминаний.

– Далеко еще идти? Где твой дом?

– Так, дяденька, мы сюда на трамвае приехали. Вон та остановка. – Я ткнул пальцем на первую попавшуюся трамвайную остановку. Повертев головой, качок повел меня не к ней, а к стоящему в отдалении милиционеру.

«Ай-яй-яй, мне в ту сторону точно не надо. Вот ведь гад,

не мог до придуманного дома отвести, лень ему, понимаешь ли. Я бы за это время наверняка смыться успел!» – сердито подумал я.

Быстро завертев головой, стал искать способ свалить. Удача улыбнулась мне вставной челюстью седого старичка, направлявшегося к остановке с газетой под мышкой. Пытаясь затормозить каблуками ботинок о брусчатку тротуара, я попробовал привлечь внимание спортсмена. Удивленно повернувшись, он спросил у меня:

– Что случилось?

Вытянув руку и указывая пальцем на спину удалявшегося старичка, объяснил:

– Вон деда идет! Пусти! – Я попытался вырвать руку из тех клещей, что ее держали.

Но, как ни странно, они разжались сами. Быстро, пока была возможность, кинулся бежать к старичку, уже подходившему к остановившемуся на остановке трамваю. Обернувшись, увидел, что спортсмен широким шагом направлялся за мной. Это «не гуд». Мне осталось только одно.

– Де-е-да-а! – закричал я старичку.

Обернувшись людям, стоящим на остановке, стал махать на ходу рукой, как будто прощался. Люди на остановке с улыбкой махали в ответ, старичок, обернувшийся на крик, тоже помахал. К трамваю я подбежал, запыхавшись, – все-таки за такое короткое время в нормальную форму никак не вернешься. Схватив дедка за штанину, подергал ее, привле-

кая к себе внимание, а когда тот обернулся, попросил:

– Извините, пожалуйста, вы не можете мне попасть в трамвай?

Дедок подхватил меня под мышки и поставил на верхнюю ступеньку, подождал, пока я пройду дальше, и вошел сам. Двери с шумом закрылись, и, звякнув звонком, трамвай поехал. Посмотрев с улыбкой на спортсмена, подходящего к остановке, не удержавшись, показал ему средний палец правой руки. Судя по его недоуменному лицу, что этот жест означает, он не знал, и это слегка испортило мне настроение.

Повернувшись к старичку, уже листавшему газету, сказал: – Вот, к маме на работу еду. Дядя провожал, – говорил я на всякий пожарный. В это время у людей была какая-то гипертрофированная ответственность за детей, даже не своих. Поэтому требовалось сделать так, чтобы меня не расспрашивали, куда это еду один. Говорил тихо, чтобы только дедок смог меня расслышать, для остальных я ехал с ним.

Старичок вышел через шесть остановок. Выйдя за ним следом, я почти сразу же свернул немного в сторону и скрылся в «зеленке». Проще говоря, залез в заросли кустарника.

«Так, что мы имеем в данный момент?»

Усевшись на ветке куста (у маленького роста всё же есть некоторые преимущества), стал копаться в рюкзаке. Сначала достал остатки сухпая и позавтракал. Потом пришла очередь блокнота и карандаша – в обновлённом теле буквы у меня выходили очень уж корявыми, нужно было потренироваться

в их написании. Потратив на это минут двадцать, выбрался наружу и отправился искать почту.

Нашлась она в трехэтажном доме, похоже, еще дореволюционной постройки.

Медленно поднимаясь по ступенькам, я пропустил вперед молоденькую девушку, одетую в сиреневый сарафан. Попав внутрь, огляделся и с деловым видом подошел к конторке, за которой сидела немолодая женщина.

– Добрый день. – Вежливость с пожилыми людьми никогда не помешает, это их заметно расслабляет.

– Тебе чего, внучок?

Чтобы сразу отсечь все вопросы, объяснил:

– Мы с папой сестренку на коляске катаем, она маленькая совсем. Моя мама ее в капусте нашла. Вот.

Со стороны девушки, изучающей имевшиеся в продаже открытки, послышался всхлипывающий смешок.

Разговаривать с сотрудницей почты было неудобно. Высота конторки, где находилось окошечко кассы, была для меня слишком большой. А вот если отойти метра на три назад, мы уже могли общаться с кассиршей лицом к лицу. Правда, довольно громко. Смешок девушки заставил нас одновременно повернуть головы в ту сторону. И если лицо кассирши выражало недовольство и осуждение, то я с интересом прошёлся взглядом по выпуклостям довольно красивой фигуры и машинально сказал:

– Мняка! Дай, а?

Теперь уже женщины смотрели на меня с заметным удивлением. Наконец кассирша спросила:

– Так что случилось-то? Папа тебя послал?

– Да, папа денюжку дал, велел купить вот это. – Я подал кассирше блокнотный листок с аккуратно написанными словами.

Через минуту в руках у меня оказались карта города и свежая местная газета.

Человека, который меня интересовал, звали Романов Григорий Васильевич. Именно его фотография была в газете, найденной на станции, и именно к нему я собирался обратиться за помощью. Вот только для начала его нужно было отыскать. Как? Хороший вопрос. Записаться на приём? Взрослому это, может, и не составило бы проблем, однако моему телу было сейчас всего пять. Значит? Значит, нужно искать другой способ.

Помнится, ещё в той жизни кто-то из сослуживцев рассказывал, что живёт Григорий Васильевич в центре Ленинграда, в доме, который люди так и называли – дом Романова. Наверняка проникнуть туда будет проще, и в этом случае мой главный недостаток – возраст – окажется, наоборот, достоинством.

Купив в гастрономе бутылку молока и сладкую булочку, я с аппетитом перекусил, продолжая обдумывать возникшую

идею, и чем дольше думал, тем больше она мне нравилась. Наконец, закончив второй завтрак, выбросил мусор в ближайшую урну, отряхнулся от крошек и отправился на поиски.

Вряд ли мне удалось бы самому открыть эту тяжёлую дверь, но помог случай. Из дома как раз выходила какая-то женщина с авоськой и пропустила меня в подъезд. Под ее подозрительным взглядом я направился к консьержу, сидящему за столом справа от входа.

– Здравствуй, молодой человек. Заблудился? – опередил меня на секунду консьерж.

Чуть наклонив голову набок, исподлобья поглядев на привратника, ответил:

– Нет, не ошибся. Мне нужен Романов Григорий Васильевич. Первый секретарь Ленинградского обкома КПСС.

– И что же такому молодому человеку понадобилось от Григория Васильевича?

– Молодой человек скажет это только лично Григорию Васильевичу.

Мне пришлось простоять на площадке первого этажа минут десять, пока смогли дозвониться до Романова и получить его указания. Наконец откуда-то появился молодой парень в костюме и при галстуке и, положив мне руку на плечо, сказал:

– Пойдем за мной.

Дверь нам открыла молодая девица с прекрасной фигурой и глазами законченной стервы. Окинув меня взглядом, она спросила:

– Это ты, что ли, к дяде?

– Я, можешь не сомневаться! Давай веди. Богиня...

Меня прервал спокойный усталый голос, раздавшийся из глубины квартиры:

– Ксюша, ну что же ты держишь гостя на пороге? Позади девчонки стоял сам Романов, вытирая мокрые руки белоснежным полотенцем.

– Здравствуйте, Григорий Васильевич, – сразу же поздоровался я с ним.

– Здравствуйте, молодой человек. Что привело вас в столь поздний час к нам в гости?

– Я пришел выразить благодарность от всех воспитанников детского дома, – нес я какую-то чушь. При этом, глядя в глаза Романова, покосился на девицу и жестом руки попросил Григория Васильевича удалить ее.

Приподнятые от удивления брови первого секретаря показали, что он понял меня.

– Ксюша, попроси Анастасию приготовить нам чаю, пусть принесут его ко мне в кабинет. Ну а вы, молодой человек, проследуйте за мной.

Мы прошли в небольшой рабочий кабинет с несколькими телефонами на здоровенном столе, обтянутом зеленым сук-

ном, и шкафами, плотно заполненными книгами. Запрыгнув на один из стоящих у стола стульев, я посмотрел на Романова и спросил, устраиваясь поудобнее:

– Надеюсь, та чушь, что я говорил у дверей, вас не ввела в заблуждение о цели моего визита? – после чего расстегнул рюкзак и выложил пистолет и запасную обойму к нему, пояснив: – У беглых эков забрал, пока сюда добирался.

Помедлив немного, Григорий Васильевич взял ПМ в руки и, к моему удивлению, довольно сноровисто проверил ствол на наличие патрона.

Повертев оружие в руках, Романов спросил:

– Ну и что все это значит? Ты кто?

Несколько секунд мы изучающе смотрели друг на друга.

– Я слушаю! – прервал затянувшуюся паузу первый секретарь.

– Даже не знаю, с чего начать разговор. Давайте сначала представлюсь. Я Александров Артур Кириллович, тысяча девятьсот семьдесят шестого года рождения. Сейчас моему телу пять лет, через месяц исполнится шесть. Так вот, на самом деле мне тридцать пять лет. И последнее, что я помню из прошлой жизни, это две тысячи одиннадцатый год.

– Это как? Не понял!

– Не знаю как, но я переместился из своего взрослого тела, оставшегося в две тысячи одиннадцатом, в свое же, только пятилетнее. Вот такой казус.

– Очень интересно! – улыбнулся Романов. – Но что же

тебя привело ко мне? Рассказать о будущем?

– Вообще-то да! Потому что в будущем СССР больше НЕТ!

– Ешь, не смотри на меня, я сытый, – сказал Романов, наблюдая за мной.

Черт, никогда не ел такого вкусного борща с пышками да со сметаной.

Наш разговор с Григорием Васильевичем длился больше трех часов, прерываемый только на то, что бы выпить чаю. Я старался быть кратким, излагая только факты, иногда отвечая на вопросы. На лице Романова мелькали то недоверие, то злость. Он верил мне и не верил.

Я с сожалением посмотрел на недоеденный борщ:

– Все, больше не могу. В живот не помещается. Спасибо, Анастасия Петровна, за вкусный ужин.

– Да не за что, Артур, – ответила домработница Романова и проводила в комнату, где мне постелили.

Утро встретило меня солнышком, отразившимся в висевшем на стене зеркале. Стараясь проморгаться от пойманных солнечных зайчиков, осмотрелся – вчера было как-то не до этого. Комната оказалась вполне обычной спальней со всеми положенными атрибутами. Встав и сделав десятиминутную разминку, я направился в сторону удобств.

– Доброе утро, Артур, – первой мне встретилась домработница.

Поздоровавшись в ответ, попросил наполнить ванную и через двадцать минут, чистенький после водных процедур, вышел на кухню. Там уже сидела Ксения с полусонным лицом и пила чай с пирожными. Подмигнув ей и послав воздушный поцелуй, сказал:

– Здравствуй, солнышко, как твое ничего? – а увидев официантские лица Ксении и Анастасии Петровны, рассмеялся. Отхлебнув чая и закусив пирожным, спросил домработницу: – Григорий Васильевич мне ничего не просил передать?

– А, да, просил. Сказал, чтобы ты чувствовал себя как дома, он будет к обеду. Странно, он никогда не приезжал обедать, а тут... – Анастасия Петровна пожала плечами и стала убирать крошки, оставшиеся после Ксении. Та, обдав меня волнующим запахом духов, ушла в комнату. Глядя ей вслед, я пытался вспомнить, в лифчике она была или нет. Судя по колыханию, скорее нет. Мы же с домработницей посидели ещё, беседуя ни о чём.

«Так, подведем итоги», – подумал я, проходя в гостиную. Включив допотопный телевизор и сев в кресло, стал осмысливать услышанное. Семья Романова сейчас на курорте, поэтому-то их и нет дома.

Ксения – племянница Романова, ей девятнадцать лет, учится в престижном университете, приехала из Москвы навестить родных и потусоваться в Ленинграде. Причем она приехала на своей машине, на какой – домработница не зна-

ла. Красная, и все. Повернувшись к вошедшей в гостиную Ксении, спросил:

– Слушай, солнышко, у тебя не будет времени отвезти меня в парикмахерскую? А то не люблю ходить обросшим. Отрастили патлы до плеч.

Ксения, зашипев, ответила, наклонившись надо мной («Ну точно лифчика нет!»):

– Еще раз назовешь меня солнышком, язык вырву. По-нял?

В ярости она была чудо как хороша.

«Так, надо почаше ее злить, – думал я, глядя на сочные полушария, колыхавшиеся перед моим носом. – Нет, такого шанса я точно не упущу».

Возмущенный визг девицы был слышен по всему дому.

Потирая до сих пор горевшую огнем щеку, я спускался вслед за Ксенией по лестнице, глядя при этом на крутившую предо мной восьмерки великолепную попку под довольно короткой юбкой. Наконец постоянно оборачивающаяся девица не выдержала и пропустила меня вперед.

Мне всё-таки удалось уговорить Ксюшу съездить в парикмахерскую, но появилась проблема – консьерж получил четкие указания от Романова не выпускать меня из дома.

– Черт, у меня столько делов, а этот цербер не выпускает, – ворчал я по пути вверх. Остановившись, задумался. После чего, повернувшись, к следовавшей за мной Ксении,

попросил:

– Солнышко... – чудом увернувшись от плюхи, быстро продолжил: – Ты подожди меня в машине, я скоро буду, – после чего помчался наверх.

Открыв окно в своей спальне, посмотрел вниз – нормально, спуститься можно. Сначала по карнизу до водосточной трубы, а потом...

Отряхнувшись, осмотрелся, после чего рассмеялся: Ксения сидела за рулем красной «тройки» и с интересом за мной наблюдала.

– Я тебе уже говорила, что ты необычный ребенок? – поинтересовалась она, когда я подошел к машине.

– Да раз десять уже!

– Ладно, куда едем?

– Сперва в парикмахерскую!

Девчонка открыла мне заднюю дверь, но я, попав в машину, протиснулся между спинками сидений и занял свое законное переднее место. Повернувшись к водителю и с вождением пройдясь взглядом по великолепным ногам, что заставило Ксению сердито засопеть и попытаться оправить юбку, сказал:

– Ну что: «Трогай», – сказала Кэт. Штирлиц потрогал и обалдел.

Теперь горела ещё и отбитая рука.

– Еще раз прикоснешься к моим ногам, руки вырву.

– Ага, а я поверил. Поехали!

– Ну как ты переключаешь?! – наконец не выдержал я издевательства над машиной. – Третью скорость надо включать на тридцати-сорока, а не трогаться с нее... Вот теперь правильно включила! Слушай, а это ты сюда точно из Москвы приехала? Смотрю и не верю!

– Я хорошо водила, пока ты рядом не сел. А скорость случайно перепутала.

Глядя, как осторожно Ксения ведет машину, подумал научить ее экстремальному вождению, а то мы так никуда не успеем.

– Солнышко, ты и по трассе ехала сорок километров в час?

– Еще раз назовешь!..

– Понял, все, буду называть тебя солнышком постоянно, но не сейчас.

Любуясь прекрасной в гневе Ксенией, спросил:

– Слушай, а у тебя парень-то есть?

– А тебе-то какое дело? – вопросом на вопрос ответила она.

– Да так. Эх, где мои двенадцать лет! Сейчас бы ты была в другой позе.

– Как это? – не поняла девчонка.

Я показал.

– А почему в двенадцать лет? – спросила она с любопытством, трясая отбитой рукой.

Пытаясь восстановить дыхание после удара в солнечное сплетение, ответил:

– У меня первый раз встал в двенадцать.

– Что? Не поняла?

«Ах ты черт, прокололся!»

Мысли роем носились в голове, быстро придумав, что сказать, ответил:

– Да я не так выразился. Слышал, что у пацанов встает примерно в это время, – и показал, что встает.

После моего объяснения Ксения, красная, как ее машина, отпустила руль и стала поворачиваться ко мне.

– Стой, смотри за дорогой! И хватит меня бить, я не мазохист. Ты слышала такое изречение: «Маленьких обижать нельзя»?

– Да тебя не бить, тебя убить мало!

– Пара невинных шуток – и сразу убить! Кстати, вон парикмахерская, сворачивай.

Да это все-таки не современный мне город. Паркуйся, где хочешь, мест до фига и больше.

Войдя в парикмахерскую вместе с девчонкой, спросил у стоящего в готовности молодого парня:

– Кто последний в мужской отдел?

– Да моя как раз очередь.

– Отлично, предлагаю бартер. Вот эта красавица поцелует вас, а вы уступите мне свое место.

– Что? Да я тебя... – взвизгнула Ксения и кинулась ко мне.

– Держи ее, она психованная, маленьких бьет! – крикнув это, я проскочил к освободившемуся креслу, из которого только что встал полноватый мужчина, занял его место и обернулся к трепыхавшейся в объятиях парня девчонке: – Вот! Не надо было меня бить в машине! Иногда я бываю крайне мстителен!

Ответом мне стали пылающие яростью глаза, в которых легко читалось обещание скорой и страшной смерти.

Демонстративно пожав плечами, я попросил мастера, худошавого мужчину лет сорока:

– Молодежную, пожалуйста.

– Какую? – не понял он.

– Полубокс.

Немного понаблюдав за приготовлениями парикмахера, повернулся к взбешенной девице и запел:

А я маленькая мерзость,
А я маленькая гнусь,
Я поганками наелась,
И на пакости стремлюсь...¹

И чтобы было понятно, о ком речь, временами тыкал пальцем в Ксению.

Закончив стричь, мастер отряхнул меня и обрызгал голо-

---

¹ Песня из мультфильма «Подарок для слона».

ву одеколоном.

Расплатившись из своих денег, которые забрал из рюкзака, посмотрел на Ксению. Та стояла и, сжав кулак одной руки, предвкушающе била им по ладони другой. Мой жест сплугатила. Я точно так же после первой полученной плюхи делал.

Показав ей язык, подошел к зеркалу, висящему на стене, и стал внимательно себя разглядывать. Поправляя волосы и пытаясь оглядеть себя со всех сторон, машинально запел одну из своих любимых песен:

Свет озарил мою больную душу,
Нет, твой покой я страстью не нарушу.
Бред, полночный бред терзает сердце мне опять,
О Эсмеральда, я посмел тебя желать.
Мой тяжкий крест – уродства вечная печать,
Я сострадание за любовь готов принять,
Нет, горбун отверженный с проклятьем на челе,
Я никогда не буду счастлив на земле.
И после смерти мне не обрести покой,
Я душу дьяволу продам за ночь с тобой...²

Стоя у зеркала, я пел, выкладываясь, полностью забыв обо всем. Со мной такое бывает, особенно когда немного пригублю на дне рождения или еще каком-нибудь празднике. В об-

---

² Мюзикл «Нотр-Дам де Пари».

щем-то, я не пью, совсем. Но на празднике мог принять одну рюмку, не больше. А сейчас, кинув взгляд на отражение стоящих клиентов и мастеров, внимательно меня слушавших, смущенно умолк. На многих лицах я увидел расстройство, что не допел до конца. С опаской поглядывая на свою спутницу, попросил парня:

– Вы ее подержите пока, а то ведь убьет молодое дарование.

– Беги, поддержи, – сказал с улыбкой парень.

Как ни странно, вырываться, чтобы догнать меня, Ксения не стала.

Когда она наконец вышла из парикмахерской и села в машину, я на всякий случай прикрылся руками. Не дождавшись удара или оплеухи, одним глазом посмотрел на нее. Девчонка сидела, облокотившись о дверцу, и с прищуром смотрела на меня. Seriously смотрела, с легкой примесью подозрительности. Потом печально вздохнула и спросила, глядя мне прямо в глаза:

– Что я тебе сделала, чтобы ты надо мной так издевался? «Ого, серьезный разговор пошел!»

Да и я, честно говоря, зарвался, прикалываясь. Все-таки она не Аленка. Кинув на девушку быстрый взгляд, отвернулся и стал смотреть вперед, мысленно раскладывая по пунктам предстоящую речь. Говорить всю правду однозначно не стоило, а врать было просто опасно – если поймёт, отноше-

ния испортятся окончательно.

– Если обидел, извини! – наконец решился я.

– Обидел!

– Извини еще раз!

– Ну-у-у, ладно. Извиняю, но помнить буду. Так из-за чего ты так на меня взъелся?

– Можно сказать, не на тебя. Понимаешь, все: мимика, лицо, фигура, даже голос. В общем, ты похожа на одного человека, который меня очень обидел.

– И ты решил отыгаться на мне? Все ясно!

– Извини, не мог удержаться. Мир? – спросил я, протягивая ей руку.

Ксения несколько секунд с прищуром смотрела мне в глаза, потом вздохнула, подала свою и ответила:

– Ладно, мир.

Повернув ее ладонь тыльной стороной вверх, поцеловал приятно пахнущую бархатистую кожу и сказал, пародируя профессиональных ловеласов:

– Ксения, свет очей моих, как я рад, что мы решили помириться! Бальзамом на сердце мое прольется голос твой чарующий. И с трепетом в душе услышу я ласковое «прощаю».

– Балаболка, – улыбнулась девчонка, отбирая руку, которую я напоследок успел еще раз чмокнуть, – но красиво, спасибо. Мне еще никто не говорил таких приятных слов.

– А, всегда пожалуйста, – отмахнулся я, развалясь на сиденье.

– Куда едем?

– Давай заедем куда-нибудь поедим. А то жор напал. Да и пить охота.

– Ты же час назад ел! – возмутилась Ксюша, выруливая на среднюю полосу.

– У меня молодой растущий организм, и он хочет есть. И пить. К тому же у меня был стресс.

– У тебя?! Стресс?!

– Конечно! Я же с тобой общался! Все-все, мир, я просто шучу, не обращай внимания.

– Дурацкие у тебя шутки. Я после них поседела, наверное.

Выглядела она просто великолепно, о чём ей не замедлил сообщить, после чего спросил:

– Куда едем?

– В парк. Там кафе в глубине парка, мы в прошлом году туда ходили. Мне очень понравилось.

– Ну, надеюсь, что мне тоже понравится.

– Понравится. Там просто изумительное мороженое.

Громким возгласом выразив свое одобрение, попросил прибавить скорость.

Немного помолчав, Ксения спросила:

– А там, в парикмахерской, ты песни пел. Чьи они?

Секунду помедлив, ответил:

– Слышал. Один знакомый пел, а я запомнил.

– Споешь?

– Да не проблема. Какие закажешь? Про любовь? – про-

мурлыкал я, прижимаясь к ее руке и влюблено глядя снизу вверх.

– Спой, которая тебе нравится.

– Мне много нравится. Только без музыкального сопровождения будет не очень, согласна?

– Пой.

– Ну ладно, вот эта подойдет на данный момент:

Был обычный серый ленинградский вечер,
Я пошел бродить в дурном настроенье,
Только вижу вдруг – идет мне навстречу
То ли девочка, а то ли виденье.

И как будто мы знакомы с ней даже,
Помню, чей-то был тогда день рождения,
И, по-моему, зовут ее Ксюшей,
То ли девочку, а то ли виденье.

Она прошла, как каравелла по зеленым волнам,
Прохладным ливнем после жаркого дня.
Я оглянулся посмотреть, не оглянулась ли она,
Чтоб посмотреть, не оглянулся ли я...³

Закончив «Виденье», спел «Студентку-практикантку»,
потом «Плачет девочка в автомате».

– Красивые песни, – сказала Ксения. – Последняя жалост-

---

³ Песня из репертуара Максима Леонидова.

ливая такая.

Еще бы, на ней я специально слезу пустил. Что, кстати, получилось довольно легко.

– Мы приехали. Выходи.

Оказалось, что мы уже припарковались у тротуара. Выбравшись из машины, я встал около капота и стал ждать, пока Ксения её закроет.

– Пойдем, – закончив, она подала мне руку.

Блин, как дите ведет.

Пока шли по одной из тенистых тропинок, Ксения постоянно выпрашивала у меня про песни. Я старательно отводил вопросы в сторону и, прикалываясь над ней, кричал, когда проходили прохожие: «Мама, ну купи!» На что она уже не обращала внимания.

– А кто это здесь одна гуляет?

Из кустов вышли, покачиваясь, два патлатых дауна лет по двадцать. Отчетливый запах свежего перегара показывал, что они изрядно выпили. Наверняка их потянуло на подвиги из-за этого. Один бросил на меня взгляд, и я молниеносно сунул палец в нос и стал в нем ковыряться, тупо глядя на них.

– Пропустите! – воскликнула Ксения, пытаясь обойти этих павианов.

К сожалению, поблизости никого не было, только вдалеке мелькнула куртка прохожего.

– Не-е, не пропустим, – ухмыльнулся тот же гамадрил, раскинув руки.

Мне это надоело. Отодвинув Ксению в сторону, я принялся закатывать рукава рубашки:

– Так, чмыри, у вас две секунды, пока я не закончу, чтобы свалить.

Бабуины, усмехнувшись, переглянулись, один из них грозно нахмурился и спросил:

– А то что?

– А то вам будет плохо.

Все это как-то отдавало какой-то театральностью, но мне было пофиг.

Говорливый, поигрывая мышцами, направился ко мне. Сжав правую руку в кулак, я звонко шлепнул её по ладони левой и, нахмурившись, сказал:

– Все, конец вам! – после чего, набрав полные легкие воздуха, заорал: – Милиция-я-я! Грабю-ю-ют! Убиваю-ют!..

– Все, хватит вопить, они уже убежали. – Ксения, с трудом сдерживая смех, стояла рядом. – Ты был очень грозен.

– Конечно, для этого и нужны настоящие мужчины!

– Громко орать?

– И для этого тоже, – немного подумав, ответил я.

В кафе мне принесли большую порцию мороженого (ну страсть у меня к этому лакомству!). Очень большую. Такую большую, что всё не влезло. Остатками тут же завладела Ксения и принялась издеваться: зачерпнёт немного ложечкой и облизывает её, как... В общем, очень уж сексуально. И ещё

глазами при этом насмешливо стреляет в мою сторону.

Громко икнув от полноты чувств, я слез со стула и пояснил:

– Я это... Ик. Туда... Ик. Короче, ща приду. Ик, – после чего быстро засеменял в туалет.

Выходя из общественного туалета с блаженной улыбкой на лице, увидел шагающих по тропинке к кафе двух знакомых милиционеров, а с ними. Обана! Те два черномордых лангура, бредущие с печально опущенными головами.

Тогда мой крик был услышан, и через минуту к нам с параллельной тропинки выскочили двое милиционеров и активно закрутили головами. Один из них, с лычками сержанта, на ходу спросил:

– Кто кричал?

– Она!

– Он! – одновременно показали мы друг на друга. Ксения бросила на меня свирепый взгляд.

– Ну ладно, я кричал, – поднял я руку. И вопросительно посмотрел на Ксению, всем своим видом показывая, что из меня слова и клещами не вытащить. Ксения не сплеховала и рассказала почти всю правду, с незначительными изменениями. Показав, куда хулиганы побежали и откуда вышли, мы отправились в кафе, сообщив милиционерам, где будем находиться.

И сейчас обеих макак вели к нам на опознание.

Приметив, где они скрылись за кустами, бросился напрямик, срезав путь по газону, и выскочил на тропинку прямо перед носом обеих мартышек, что заставило их вздрогнуть и остановиться. Уперев руки в бока, выпятив челюсть и с презрением окинув их взглядом, я сказал:

– Ну что... ик. Тупиковая ветвь... ик... развития, поймали вас? Если бы вы по... ик... пались мне раньше, то я бы ва... ик... с на куски пор... и-ик-к... вал!

Последний «ик» оказался особенно громким, и если до этого по мере моей речи улыбки милиционеров становились все шире и шире, то здесь они рассмеялись.

Свирепо посмотрев на усмехнувшегося за компанию горделивого, подошел и с силой врезал носком ботинка ему по щиколотке. Я знал, куда следует бить, и поэтому обезьян, взыв от боли, упал на тропинку и стал стонать, держась за пострадавшее место.

– А ты че вылупился? Тоже хочешь? – спросил я у второго.

Икота, так некстати проявившаяся, внезапно пропала.

– Все, хватит с него. – Улыбающийся сержант отодвинул меня в сторону. Второй милиционер, с чистой совестью на погонах, помог подняться пострадавшему от ребенка парню.

– Я так понял, что это они? – спросил сержант.

– Они.

– Тогда пройдем в кафе, за твоей сестрой. Она должна дать показания.

– Раз надо, даст. Пшли.

Сунув руки в карманы штанов, я вразвалочку последовал за ними.

– Все-таки странно. Студенты, комсомольцы, а так себя ведут. У одного – отец начальник порта, а сынок пьяный по улицам ходит! – возмущалась Ксения, когда мы возвращались к машине.

– Подумаешь, вот у нас было... э-э-э...

– Что было?

– Да не, ничего не было, – вовремя опомнился я и не стал рассказывать про беспредел «золотой молодежи» в мое время.

– О, а это еще кто? – озадаченно поинтересовалась Ксения, глядя из-под ладони на парня лет тридцати, облокотившегося о капот нашей «тройки». Сзади вплотную стояла серая замызганная «Волга» с сидящим в ней водителем.

– Нашли-таки! – недовольно буркнул я.

Подойдя к машинам, поймал взгляд парня. Серьезный товарищ, похоже, из волкодавов, неприятный соперник, будь я даже в нормальной, привычной форме. Еще больше я укрепился в своем мнении, когда он двинулся нам навстречу. Очень неприятный соперник.

– Ксения Викторовна, вас с вашим спутником, – он кивнул мне, – ждет Григорий Васильевич. Поторопитесь, пожалуйста.

После чего, повернувшись ко мне, предложил сесть в их

машину.

– Нет, спасибо. Эту тетю я знаю, а вас нет.

Одно дело ехать с приятной особой, другое – с двумя мужиками.

Нет. Нет и нет.

– Хорошо, мы следуем за вами, – кивнув, парень направился к «Волге».

– Ну что, красавица, закончились наши приключения, а? – повернулся я к Ксении.

– Но день ведь еще не закончился? Посмотрим, что он нам еще принесет.

– Надеюсь, только хорошее, – мне удалось вполне натурально улыбнуться. Хотя было не до веселья, тревожила неопределенность.

– Я тоже надеюсь.

– Ну что, поехали?

– Держись, прокачу с ветерком!

– За тебя держаться?

– Все, приехали. Можешь выходить!

Но вылезать я не спешил. Прикусив губу, внимательно осматривал три «Волги» у подъезда и стоящих рядом парней.

– О, похоже, у дяди гости! – воскликнула Ксения, посмотрев в ту же сторону.

– Может, они не к нему?

– Может, но сопоставив некоторые факты, – она окинула меня взглядом, – я все-таки думаю, что это к нам.

Пожав плечами, я вылез из машины. Сам, подойдя к Ксении, взял ее руку, и мы пошли к подъезду под внимательными взглядами охраны.

Зайдя в прихожую квартиры, увидели там пару мужчин. Которые, явно ждали нас.

– Ксения Викторовна, попрошу пройти за мной, – шагнул вперед один из них и сделал приглашающий жест рукой.

Посмотрев, как девушка уходит в сопровождении этого хмыря, я повернулся ко второму и спросил:

– А я, так понимаю, должен пройти с вами?

Тот, не сказав ни слова, сделал такой же приглашающий жест, проводил меня к кабинету и открыл дверь. Я замер на пороге.

– Ну что же вы, Артур Кириллович, остановились? Заходите, не бойтесь, мы не кусаемся, – сказал сидящий в кресле пожилой мужчина с болезненного вида лицом. Сам Романов сидел во втором кресле и, попивая чай из стакана с подстаканником, с большим интересом наблюдал за происходящим.

Хмыкнув и поздоровавшись, я вразвалочку проследовал к маленькому диванчику, стоящему напротив обоих кресел. В прошлый мой приход они стояли по-другому. Подготовились, значит. Ну-ну.

Устроившись поудобнее, с интересом начал играть в гля-

делки со смутно знакомым дедком. Правда, мне это довольно быстро наскучило, и я, скосив взгляд на Романова, вопросительно приподнял левую бровь. Уже почти знакомый старикан неопределенно хмыкнул.

«Блин, да где же я его видел?»

Быстро перелистывая в памяти государственных деятелей этого времени, стал сличать их с сидящим передо мной дедом.

«Нет! Да не может быть?!»

Не сдержавшись, ткнул в старика пальцем и возмущенно спросил:

– Откуда усы?! И волосы не те! Григорий Васильевич, что за шутки?!

– Не волнуйся, Артур. Это я решил посмотреть твою реакцию на меня, – успокоил Андропов, снимая парик и отклеивая усы. – Не обращай внимания. Необходимый антураж, я сейчас нахожусь за тысячу километров отсюда. С одной важной инспекцией. И до сих пор провожу ее там.

Продолжать разговор Юрий Владимирович не стал. У меня вообще возникло ощущение, что он тянет время, как будто чего-то ждёт. Пораскинув мозгами – в переносном смысле – понял, чего именно, и невольно вырвалось:

– Все, что она расскажет, правда. Я действительно к ней приставал. Но в шутку же!

Быстрый обмен взглядами показал, что я был прав в своем предположении. Они точно ждали отчет о допросе Ксении.

Ещё раз покосившись на Андропова, Романов повернулся ко мне:

– Как день прошел?

– Зашибись. Весело и непринужденно. – Моя рука прощлась по коротко стриженной голове.

– Так ты только из-за этого сбежал отсюда? Чтобы постричься?

– Да вообще-то нет. Не знаю, какое ко мне будет отношение в будущем, вот и решил развлечься на полную катушку. Дал волю своим чувствам. Вот и все. – Ох, чувствую, еще попадет мне за этот побег.

Взяв со столика, находившегося между нами, стакан чая, Андропов хмыкнул:

– Знаешь, парень, чтобы убедить меня, что ты действительно из будущего, тебе придется поднапрячься!

– Да? Как насчет того, что один из ваших высокопоставленных чиновников с тысяча девятьсот семьдесят четвертого работает на британскую разведку?

Андропов, пивший в это время чай, к моему разочарованию, даже не вздрогнул. Просто вопросительно посмотрел на меня и совершенно спокойно спросил:

– Ну и кто же это?

– Полковник Гордиевский Олег Антонович. Бежал в Британию в тысяча девятьсот восемьдесят пятом году. За предательство награжден орденами Святого Михаила и Святого Георгия. Все, с кем он общался и кого знает, или работают

под колпаком, или перевербовованы, или мертвы.

– Это все слова, нужны реальные доказательства. Хотя мы и проверим эту информацию, – ответил Андропов, с интересом глядя на меня.

– Вы знаете, Интернет в доме – великая вещь. Спрашивайте.

Но тут нас прервал стук в дверь.

– Войдите! – крикнул Романов.

Вошедший мужчина с холодными глазами особиста – тот, с которым ушла Ксения, – спокойно подошел к Андропову и отдал ему несколько листков. После чего, к моему удивлению, не вышел из кабинета, а остался, встав за спиной шефа.

Последующие минуты стали для меня довольно тяжелыми. Далеко не все взгляды, бросаемые в мою сторону Юрием Владимировичем во время чтения, удавалось расшифровать, так что голова сама по себе втянулась в плечи, а палец принялся выводить узоры по накрывавшему диван пледу. И только через несколько минут я понял, что это не моя реакция, а рефлекс нового-старого тела.

Встряхнувшись, откинулся на спинку, положил ногу на ногу, скрестил руки на груди и постарался расслабиться, в свою очередь наблюдая за Андроповым. Юрий Владимирович несколько секунд разглядывал меня с лёгким недоумением, а потом вернулся к чтению.

– Очень любопытно, – наконец сказал он, отложив листоч-

ки в сторону. Посмотрев на меня с прищуром, добавил: – Похождения бравого солдата Швейка какие-то, а не офицера. Как объяснишь подобное поведение?

– Что тут объяснять? Сорвался, с кем не бывает. Вы посмотрите, в ком я нахожусь! В ребенке! Да я в последнее время с трудом контролирую некоторые рефлексy тела! Вот я, мужчина в самом расцвете сил. А как увидел эту девчонку, так сразу раскис. Хочу ее мозгом, а не могу телом. Парадокс, блин. Так она еще, зараза, так похожа на мою бывшую жену, что я готов ее придушить...

– Про жену позже расскажешь. Да и про свою жизнь до момента перемещения тоже, а пока, – прервал меня Андропов и махнул рукой мужику за своей спиной, подавая ему какой-то знак, – ...а пока я жду доказательств.

– Ну хорошо, насколько я помню, в тысяча девятьсот восемьдесят втором году Испания станет членом НАТО, в конце мая, кажется. Так, следующее... – Теперь стала понятна функция стоящего за спиной Андропова мужчины. Достав блокнот, тот стал конспектировать.

– Ну и горазд же ты есть! – зевая, пробормотал плотный парень с усами, как у Боярского. На этом похожесть заканчивалась. Боярский не носил в поясной кобуре табельное оружие и не охранял особо важную персону. Не меня, кстати, а Андропова. Все трое моих охранников были его людьми.

– А что ты хочешь, Иваныч? Молодой растущий организм требует постоянной подзарядки. Кстати, скоро там

Москва? – поинтересовался я у старшего и насмешливо посмотрел на третьего охранника, нахохлившегося на соседней полке. Второй находился в тамбуре.

– Да минут двадцать осталось, и вокзал будет, – ответил Иваныч. После чего, глянув с улыбкой на напарника, сказал: – Да не дуйся, Максим, это была просто шутка.

– Да с его шуточками седым станешь! – буркнул Максим, сердито покосившись на меня.

– Ну почему же? На мой взгляд, очень смешная и невинная шутка. – Иваныч принялся разливать чай по стаканам.

– Не обижайтесь, дядь Максим. Если бы вы не наступили мне на ногу, я бы даже не подумал сделать подобное. Извините, ладно? И, кстати, никто меня за руку не ловил, – добавил я, вспоминая происшедшее на перроне вокзала.

Небольшая подножка – и охранник Андропова, шедший слева от меня, лежит на здоровенной тетке, до этого стоявшей перед нами и оравшей мне прямо в лицо. Причем поза при падении получилась такая, что Иваныч до сих пор вспоминает ее с улыбкой.

– Если бы ты сам полежал на этом студне, да еще и меж ее ног, сам бы обиделся. И я еще вроде оглох на правое ухо, – отозвался Максим, проигнорировав мои извинения.

Да уж. Вопящая благим матом тётка вцепилась в парня ногами, обхватила, как клещами, и не умолкала, пока Игорь,

второй охранник, не разнял их. Иваныч же не отходил от меня.

– Иногда я бываю крайне мстителен! – сказал я вслух, демонстративно потирая отдавленные пальцы правой ноги.

После чего, попивая чаёк вприкуску с конфетами, стал вспоминать все те три дня допросов в квартире Романова. Андропов мне все-таки поверил. **ПОВЕРИЛ!**

– Ладно, Артур. Та информация, что ты нам поведал из своих воспоминаний, это крайне малая информация, кстати. Проверенная и перепроверенная. И, к моему удивлению, она подтвердилась. Конечно, не все за эти двое суток мы успели проверить, но то, что успели... И про Испанию подтвердилось, со мной связался Громыко. Полковника Гордиевского сейчас проверяют. Да, в общем, чувствую, с твоим вселением у нас еще будут большие проблемы. Расскажи-ка мне еще раз тот разговор в больнице с полковником...

– Чуриным. Все проверяете? Вы же, насколько я помню, уже не руководитель КГБ.

Я подробно пересказал каждую секунду с момента, как очнулся в больничной палате. Секретарь Андропова – тот, с глазами особиста, отзывающийся на имя Денис, – постоянно конспектировал. Просмотрев все листочки с моими ответами, Юрий Владимирович сложил их в черную кожаную папку, которую убрал в портфель. После чего повернулся ко мне:

– А теперь расскажи-ка о себе. Основное расскажи, подробно потом расскажешь!

– Хм, ладно. Ну, подростковый возраст вас, я думаю, пока не интересует. Потом... Что про меня можно сказать? Начну, пожалуй, с окончания школы. Был я страшным обалдуюем, отец ремнем лупил постоянно. Водка, сигареты, девчонки – все было, пока я не связался с одной полукриминальной бандой. Там что-то было связано с изнасилованием, я не участвовал. Бухой был в дупель, лежал в соседней комнате, но и меня взяли, как соучастника. Потом, конечно, разобрались, но отец меня встретил с распростертыми объятиями. Если бы не мама, – я сокрушенно покачал головой, – забил бы он меня нахрен. А так отделался тремя треснутыми ребрами, это когда он меня ногами бил. Вывихнутой рукой и сломанным носом. Батя у меня в Войсках Дяди Васи служил, норов у него крутой. Когда из больницы выписался, меня пинком в рязанскую «Дурку» определил. У него сослуживец в военном комиссариате служит, а у того брат в «Дурке», поспособствовал. Пять лет прошли как один день.

– Пять лет? Насколько я помню, время обучения составляет четыре года.

– В девяносто четвертом сделали пять лет. Поступил я в девяносто втором, как раз шестнадцать исполнилось. Закончил в девяносто седьмом. Во время учебы женился на дочке одного из бизнесменов города, в девяносто шестом сын родился, Сашка. По разнарядке попал в отдельный гвардей-

ский полк специального назначения, который был позднее переименован в отдельный разведывательный полк ВДВ. Отслужить успел в нем полгода, пока меня не сманил один из моих знакомых по учебе. Потом спецшкола ГРУ, и меня, молодого, еще, можно сказать, неоперившегося лейтенанта отправили на Северный Кавказ в одну из диверсионных групп. Начинал рядовым бойцом, потом дослужился до зама. Повезло мне с командиром, что уж говорить, повезло. Научил он меня уму-разуму. Тут как раз началась Вторая Чеченская, и я отпахал в ней от начала до конца заместителем командира группы. Даже награды заработал, орден и медаль.

– Расскажи о жене.

– Аленка-Лисичка. Я всегда ее так называл. Если хотите увидеть, как она выглядит, посмотрите на Ксюшу, у Аленки только волосы посветлей, а так один в один. Я по жизни довольно ревнивый, поэтому можете себе представить, какие муки испытывал, оставляя ее одну. Бросила она меня в две тысячи третьем. Забрав Сашку, уехала к родителям. Я год уже как командиром группы бегал. Как сообщили о разводе, взял отпуск и рванул домой. Короче, она меня послала далеко и надолго. В две тысячи четвертом я снова женился. И, как и первый раз, по любви. В Чечню я брать ее наотрез отказался, купив двухкомнатную квартиру на окраине Москвы, поселил ее там. Деньги у меня были, мы их с убитых боевиков снимали. Я тогда почти всю свою долю в квартиру вбухал, но купил. А через полгода она в письме сообщила

мне, что ждет ребенка. Через несколько месяцев письма перестали приходить, она их мне каждую неделю писала. Потом получил письмо из милиции, что моя жена пьяная попала под машину. Моя беременная жена. Взяв полный отпуск, отправился в Москву. Выяснить, что случилось.

– Выяснил?

– Да! Выяснил. – Перед глазами до сих пор метался огненный клубок, а в ушах стоял крик горящего живьем человека.

– Расскажи, что случилось.

Подождав, пока вошедший охранник поставит на стол поднос с чаем и пирожными и удалится, я продолжил:

– Вспоминать неприятно. М-м-м... сахара маловато!

– Куда уж больше-то?! И так с пирожным ешь! – удивился Андропов.

– Пирожное – это пирожное. А у чая должен быть свой вкус! – В стакан отправилась ещё одна ложка сахара. Помешивая чай, я продолжил рассказ: – Приехал в Москву, сразу на квартиру отправился, ключи у меня были. Дверь опечатанная оказалась, не знаю почему. В общем, сорвал бумажку, закинул вещи, переоделся в гражданку и пошел в районный отдел милиции. Дежурный отправил меня к капитану Дубову, следователю, который вел дело о гибели моей жены. Дубов оказался самым настоящим дубом.

– Не любишь ты милицию, я смотрю!

– А за что их любить?! У них любимая поговорка: «Не подмажешь – не поедешь». Это не сейчас, о подобном отно-

шении милиции к работе, как у вас, простые люди в будущем и не мечтают. Знают, что бесполезно. Как там говорится? «Рыба гниет с головы»? Так это про нашу милицию. О, кстати, совсем забыл, слышал в новостях, что милицию переименовывают в полицию. Так по мне, название сути не меняет. Только огромные средства потратили на переоснастку. Представляю, сколько чиновников на этом руки нагрело.

– Сильная коррупция?

– Очень!

– Хорошо, расскажешь позже. Продолжай о себе. Поставив допитый стакан и отложив в сторону недоеденное пирожное, продолжил:

– Ничего от капитана узнать о жене не удалось. Твердил все время одно: «Шла пьяная, в неподобающем месте стала переходить дорогу, была сбита машиной, ехавшей на положенной скорости». Индюк набитый. Как добывать информацию, учить меня не надо, поэтому, погуляв по коридорам под видом вызванного по повестке свидетеля, нашел одного майора, с которым и поговорил в ближайшем кафе.

– Она была трезвая, а водитель пьян. Я прав?

– Да! – ответил я с небольшой заминкой.

– Его посадили? Или он, хм, откупился?

– Откупился.

Андропов, внимательно посмотрев на меня, глянул на часы и сказал:

– Уже одиннадцать вечера, с тобой время летит незамет-

но. Продолжим, или спать пойдешь? Мне завтра к обеду улетать.

– Продолжим! – отозвался я. Спать не хотелось совершенно. – Убийцей оказался сынок одного из владельцев крупного холдинга. Ехал, кстати, действительно трезвый. Только не на положенной скорости, а превысил ее более чем в три раза. Вылетел на тротуар и сбил Ольгу, мою жену. Там была еще одна женщина, которую машина не задела, но ее не нашли, успела убежать. Больше свидетелей не было, даже бабки, которые хоть что-то могли видеть, не оказались рядом. Майор сам там был и божился, что парень действительно был трезв. Что было дальше, он не знал, приехали большие люди с крупными звездами и местных разогнали. О чем-то долго шушукались с Дубовым. Вечером же появилась новая версия ДТП.

– Он получил свое?

– Да. И это его очень расстроило! – ответил я, сделав честные глаза. Точнее, попытавшись – раньше у меня это никогда не получалось.

Во взгляде Андропова явственно читалось подозрение. Наконец Юрий Владимирович хмыкнул:

– Ну-ну. Ладно, продолжим!

– Отпуск закончился. Вернулся в часть – служба же продолжалась. Через год получил капитана. В две тысячи седьмом получил майора, а через месяц тяжелое ранение – лишился обеих ног в одной из операций в Чечне. Повезло мне

с братом, он у меня хирург, все взял на себя. Сын, как узнал, что я ранен, сбежал от матери и стал жить со мной. Алена пыталась забрать его, но Сашка пошел весь в меня. Не знаю, что он ей сказал, но ее я больше не видел. Выписавшись из госпиталя и поездив по реабилитационным центрам, стал жить с Сашкой в моей квартире. Интернет и работа отнимали у меня много времени, поэтому я не спился и не опустил. Хотя было тяжело, очень тяжело.

– Кем ты работал?

Денис в это время сменил исписанный лист на другой, свежий, отдал заполненный Андропову.

– Переводчиком. Переводил иностранные книги на русский и наоборот. Я владею в совершенстве английским и испанским. Как разговорным, так и письменным. Бегло говорю на немецком и французском. Были приработки и на стороне. В общем, не бедствовали. Ну а, как вы знаете, седьмого марта две тысячи одиннадцатого года я лег спать и проснулся уже в новом теле. Просто лег спать – и оказался у вас.

– Ясно. Расскажи о своей семье.

– О родителях?

– Да.

– Так. Сначала о бате. Гвардии рядовой запаса, служил срочную в ВДВ. После службы пошел работать на завод, поступил заочно в инженерный институт. Стал главным инженером на производстве. Очень уважаем простыми рабочими, потому как сам начинал с низов. Умер в тысяча девять-

сот девяносто шестом году от рака легких. Курил он очень много. Мама. Учитель иностранного языка. Знала немецкий, английский и французский. Это она с нами со всеми говорила на разных языках, чтобы мы были образованными. Когда я лишился ног, она пыталась ухаживать за мной, но я не дал, не хотел, чтобы она видела меня таким, калекой. Хотя мама приезжала ко мне постоянно, раз в месяц точно. Была жива, когда я попал к вам. Старший брат Борис, сейчас в Афганистане исполняет интернациональный долг, в мотострелковых войсках, сержант. После армии пошел служить в милицию. Дослужился до полковника, начальника угро города. Убили его в девяносто девятом, расстреляли прямо в служебной машине, на какие-то уступки он не пошел. У него осталась жена и две дочки.

– Выяснили, кто и за что?

– Выяснил, только спустя два года.

– За что же?

– За честность и неподкупность. Его зам бандитам сдал. Нечист на руку был и взятки брал. Да и кресло брата ему нравилось.

– Получил свое?

– Я же говорил. Только через два года.

– Кто там у тебя остался? Брат и сестра?

– Да. Средний брат Тимофей-Тимоха. И сестренка Даша.

– Давай с брата!

– Тимоха. Врач от бога. Я у него в любимчиках ходил, по-

стоянно он меня баловал. Там, в будущем, брат стал ведущим хирургом в одной из московских больниц. Входит в десятку лучших хирургов России. Если бы не он, не знаю, что стало бы со мной. Брат тоже бракодел, дочка у него. Ксанка... Дуняшка, хохотушка-болтушка. Все в жизни у нее сложилось хорошо. Закончила иняз, вышла замуж за норвежца, у нее тоже две дочки, младшая Яна, погодок с моим Сашкой. Живут они в Осло. Муж, Эрик, белокурая бестия двухметрового роста, в жене души не чает, при этом являясь полным подкаблучником. Никогда не видел более счастливую пару. Вопрос можно?

– Да, спрашивай!

– Вы связались с моими родителями?

– Да, мои люди тщательно поговорили с ними. Гнилая история там произошла, Артур.

– Что?! Что-то с родителями? Братьями? Сестрой?

– Успокойся, с ними все в порядке. Люди этого Чурина сообщили им, что ты умер. И, кстати, тот врач, Кокренев, погиб. Представляешь, попал под машину, а его брат пропал. И никакого полковника Чурина не существует. С кем ты говорил – вот в чем вопрос. Хотя, есть у меня подозрения насчет того, кто он. Сейчас в Казани и Москве работают лучшие оперативники госбезопасности. В общем, информация о тебе ушла на сторону.

– Уй-ё... – Я схватился за голову от такой новости. – Я же ему сказал про девяносто первый!

– Теперь будешь следить за своими словами. Искали они тебя плотно. Очень плотно. Они неформально дали информацию по линии госбезопасности о твоей поимке всем начальникам районной милиции с твоим словесным портретом. Просто чудо, что ты нигде не попался.

– Нет, все-таки как он играл! Даже интонации старшего офицера! – Я все никак не мог забыть Чурина.

– Артур, мы не сообщали твоим родителям, что ты жив. С удивлением посмотрев на Андропова, ненадолго задумался, а потом спросил:

– Вы, как мне кажется, и не собираетесь делать это. Ведь так?

– Пока, – выделил это слово Юрий Владимирович, – мои люди считают, что это опасно. Хватит на сегодня, завтра поговорим. Второй день заканчиваем в час ночи.

– Хорошо, Юрий Владимирович, завтра договорим.

Выйдя из кабинета, я в сопровождении охранника пошел в спальню, завернув по пути в туалет. Навстречу то и дело попадались люди Андропова. После того как Романов уехал вместе с домработницей и племянницей на дачу, оставив Юрию Владимировичу квартиру во временное пользование, в ней сразу прибавилось народу. Куда ни глянь – везде молодые парни с цепкими глазами сторожевых псов.

Укрывшись одеялом, я закинул руки за голову и, глядя в потолок, стал вспоминать свой приезд в Москву после смер-

ти второй жены. Андропову я рассказал не все. Там было совсем по-другому...

– Здравствуй, Артур, – поздоровалась со мной соседка по площадке.

Хотя я и появляюсь дома крайне редко, но с соседями стараюсь быть вежливым. Ответив, спросил об Ольге:

– Ох, беда-то какая! Она ведь такая счастливая была в последнее время.

Слушая соседку, я подошел к двери квартиры и уставился на полоску бумаги с печатью.

– Ой, Артур, тут ведь милиция приходила! Участковый наш, ты зайди к нему, хороший он парень.

– Хорошо, Антонина Анатольевна, обязательно зайду.

Переодевшись в гражданку и убрав форму в шкаф, я направился к участковому, жившему недалеко, однако дома его не застал. Пришлось идти в наш районный отдел милиции. Там плотный майор-дежурный назвал мне номер кабинета и фамилию следователя, ведущего дело о гибели моей жены, а табличка на двери проинформировала о времени его работы. Постучавшись и дождавшись разрешения, я вошел в кабинет и сообщил следаку, что я муж Ольги Александровой. А через полчаса вышел в состоянии крайнего бешенства. Правда, со стороны это можно было определить только по легкой бледности на моем загорелом лице.

Ничего, кроме официальной информации, узнать не уда-

лось, и это подтверждало, что дело нечисто.

Немного успокоившись, стал ходить по отделу, внимательно рассматривая встречаемых сотрудников милиции. Мое внимание привлек сухопарый майор с голодным блеском глаз. Поздоровавшись, я завел с ним разговор, между делом предложив пообедать. Майор, оказавшийся криминалистом, услышав сумму «спонсорской помощи», не ломался ни минуты:

– ...понимаешь, мне сразу это показалось странным. Парень был совершенно трезв, я сам проверил, прежде чем его увезли люди отца. Тормозного следа не было совершенно, а в машине был устойчивый запах перегара. Там ведь наезд был совершен чуть ли не на глазах патрульной машины ППС. Они говорили, что из машины кто-то выбежал и скрылся за углом дома, а парень вылез с пассажирского места.

– Патрульные видели, кто это был?

– Да какое там! Они же были чуть ли не в конце улицы.

Получалось, что парень кого-то покрывал, беря вину на себя. Но вопрос: кого? Расплатившись, я покинул кафе, имея при себе бумажку с данными парня – память у майора была отличная...

В общем, выкрасть этого Павла Волева мне труда не составило. Потом мы с ним прокатились в лес и немного побеседовали в удачно подвернувшемся глубоком овраге, заросшем густым кустарником. Поначалу парень пытался угрожать, но мои аргументы убедили его достаточно быстро, так

что разговор не затянулся.

Наконец, уничтожив все следы работы и избавившись от тела, я выехал в центр города. Прогуливаясь по парку, где было множество людей, достал из кармана телефон Павла и набрал номер его отца:

– Павел, позвони попозже, я сейчас занят! – раздался в трубке голос уверенного в себе мужчины.

Старательно подавив нахлынувшую злость, спокойно сказал:

– Павел к телефону подойти не может, устал очень.

После небольшой паузы тот же голос спросил:

– Кто это?

– Ваш сын у нас. Не обращайтесь в милицию. Через три часа привезите двести тысяч долларов в кафе «Солнышко». Тогда вы получите своего сына, целого и невредимого.

– Да ты знаешь, что я с... – дальше мне было неинтересно его слушать, и, оставив телефон включенным, я положил его на скамейку и спокойно вышел из парка.

Пропустив мимо три черных джипа, пролетевших на большой скорости, подъехал на угнанной «девятке» к нужному трехэтажному особняку. Встав около въездных ворот, посигналил и стал ждать. Открывшаяся калитка явила моему взору охранника, облаченного в пуленепробиваемый жилет и с дробовиком в руках.

– Чего тебе, паря? – спросил он у меня. И тут же упал после тихого хлопка.

Быстро надев маску и достав второй пистолет, побежал по тропинке к особняку. Чтобы разобраться с оставшейся парой охранников и загнать семью хозяина и прислугу в подвал, много времени не потребовалось. Через двадцать минут, отогнав «Ладу» на соседнюю улицу, я сидел в сторожке охранников и попивал тёплый сладкий чай из термоса. Рации и телефоны охранников лежали на столе передо мной.

Прошло больше двух с половиной часов, когда снаружи посигналили. Камера наружного обзора показала две машины. Быстро проверив оружие, я нажал на кнопку открытия ворот.

Дождавшись, когда Волев-старший с охранниками покинут джипы, вышел из-за угла и открыл прицельный огонь с двух рук. Затем, подойдя ближе, провёл контроль и, сменив в «стечкиных» магазины, наконец-то занялся бизнесменом. Он лежал на боку и тихо подвывал, держась обеими руками за простреленную икру правой ноги.

– Думаю, ты не знаешь, зачем я пришел. Объясню. Та женщина, которую ты сбил, когда ехал пьяным, была моя жена. Она была на пятом месяце, у меня должны были родиться дочка-близнецы. Так что, я думаю, насчет детей мы в расчете.

– Сын?! Что ты сделал с Павлом?!

– Он умер. Пора ехать.

– Куда?! Я заплачу...

Не слушая криков, закинул связанного Волева в багажник

джипа повёз в тот же лес.

Крепко привязанный к пеньку бизнесмен таращил глаза в ужасе и мычал сквозь кляп, глядя, как я поливаю его бензином.

– Знаешь, – мне, как какому-то киношному злодею, почему-то захотелось поговорить, – у боевиков в Чечне можно многому научиться, особенно в области казни, – после чего поджег комок бумаги и кинул ее на бизнесмена...

Как ни странно, меня не дергали, во всем обвинили конкурентов Волева: оказалось, одна из московских ОПГ имела на него большой зуб. Не догуляв отпуск, я уехал обратно в часть...

Вздыхнув, посмотрел в окно на ночное небо Ленинграда – я до сих пор считал Ольгу и дочек неотомщенными. Вздыхнув еще раз, повернулся на бок и попытался заснуть.

Утро встретило меня бодрым голосом Дениса, без стука вошедшего в мою комнату, и воплем боли от встречи его лба со стаканом, который я метнул недрогнувшей рукой.

– Сколько раз я говорил, что утром люблю поспать подольше?!

Денис, потирая начавшую вздуваться шишку, сморщился: – Тебя Юрий Владимирович ждет. Его вызывают в Москву.

Вскочив, я оделся, быстро посетил туалет и чуть ли не бе-

гом направился в кабинет. Андропов встретил меня, стоя у стола. Оторвавшись от каких-то бумаг, который изучал, он повернулся ко мне:

– Доброе утро, Артур.

– Оно бы было доброе, если бы не вставал в такую рань.

В это время в кабинет вошел Денис, явив шишку на лбу. Посмотрев на него, Андропов попросил:

– Артур, расскажи, пожалуйста, все, что ты читал из... э-э-э... альтернативной истории, – прочитал по слогам Юрий Владимирович, сверяясь с записью. – В первую очередь – что касается нашего времени.

«Да-а, задачка!» – думал я, в уме прикидывая, с чего начать. Денис, сев за столик и сверкая выпуклостью на лбу, приготовился записывать...

– Все, вокзал. – Голос Иванныча вырвал меня из воспоминаний. Иваннычем он сам попросил его называть, когда помощник Андропова, Денис, познакомил нас и объяснил, что с этой минуты он назначен старшим моей охраны. – Выходим последними! – добавил он специально для меня.

Встав на колени, я принялся с интересом разглядывать проходящих по перрону людей. Через некоторое время возникло чувство какой-то неправильности, заставившее насторожиться, а ещё через минуту, резко отшатнувшись, я попросил:

– Окно закройте!

– В чем дело? – спросил Иваныч, после того как Максим задёрнул занавески.

– Нас ведут. Снаружи восемь человек целенаправленно трутся возле нашего вагона!

Иваныч единственный из охранников знал, кем я был раньше, и в отличие от презрительно хмыкнувшего Максима достал оружие и под изумленным взглядом напарника проверил его.

– Игоря проверьте. Может, его уже там нет!

Недовольно дернув плечом, вроде как «сам знаю», Иваныч, держащий наготове пистолет и подстрахованный Максимом, осторожно открыл дверь и, выглянув, сказал кому-то:

– «Черепеха».

– Понял, – слышался ответ дежурившего в коридоре Игоря.

Убедившись, что подчинённый в порядке, Иваныч подошёл к окну и, осторожно отодвинув занавеску, стал рассматривать перрон.

– У вас где-то подтекает, а? – лениво поинтересовался я, с интересом за ним наблюдая.

– Может, прислали дополнительную охрану? – задумчиво спросил Максим.

– Нас бы предупредили, – хмыкнул старший.

– Значит, точно подтекает.

Задвинув занавеску обратно и кивнув на окно Максиму, Иваныч задумался.

– А по рации связаться и помощь вызвать? – не удержался я.

– Нет. Не брали.

– Понятно. Как уходить будем?

– Пока думаю!

– Иваныч, там только наблюдатели. Группы захвата нет! – сказал Максим, не отрываясь от окна и добавил, скосив на меня глаза: – Кстати, наблюдателей я только двоих заметил. Хотя мне сообщили о восьми.

– Я рассмотрел пятерых, тоже не всех распознал, – ответил Максиму Иваныч. – А группа захвата наверняка рядом, ждет сигнала. Нужно проверить запасные выходы.

Игорь, ушедший проверить возможные пути отхода, довольно быстро вернулся, посмотрел на нас и покачал головой:

– Обложили гады.

– Пора выходить, вагон пустой.

Держа в руках пистолеты, мои охранники покинули купе. Первым шёл Игорь. За ним, отставая метра на четыре – Максим, за Максимом я, и замыкал нашу колонну Иваныч. В таком порядке мы добрались до начала поезда и, осмотревшись, спокойно вышли наружу.

Как только я ступил на перрон, охрана взяла меня в коробочку и, прикрывая своими телами, двинулась к «уазику-буханке», возле которого стояли двое парней. Заметив, что моя охрана ведёт себя слишком настороженно, встречающие пе-

реглянулись и тоже начали просеивать взглядами окружающее пространство. В это время что-то бахнуло. Повернув голову, я улыбнулся: седой дедок, стоящий с поднятыми измазанными маслом руками у стреляющего глушителем «москвича»...

Парни у «уазика», успевшие взять дедка на прицел, убрали оружие и опять занялись наблюдением.

– Группа захвата находится в том «рафике» с зашторенными окнами, – внезапно сказал Максим.

– Как понял? – спросил Иваныч, незаметно бросая взгляд на подозрительный микроавтобус.

– Тяжело нагружен. Да и местность контролируется оттуда вся. Я сам бы поставил машину именно там.

– Согласен, – ответил старшой, подходя к «уазу», и что-то прошептал одному из встречающих.

Тот немедленно направился к двум сотрудникам милиции, патрулирующим вокзал и с интересом за нами наблюдающим. Иваныч же залез в машину и, взяв микрофон рации, что-то забормотал. Мы встали так, чтобы нас заслонял корпус машины, а меня закрывал от пуль мотор.

Садиться в «буханку» пока не стали – «рафик» неплохо контролировал выезд, и если сидящие в нём начнут стрелять...

В это время подошедший к патрульным парень, мелькнув красным удостоверением, что-то сказал милиционерам. Один из них, в звании старшины, кивнув, начал говорить в

рацию — видимо, вызывал помощь — и, не обращая больше внимания на нашего встречающего, направился к «рафику».

Дальше все произошло довольно быстро. Сначала Иваныч попытался затолкать обратно мою голову, которую я вынул из-за машины. Попытка ни к чему ни привела, кроме моего мата и отпечатка зубов на ладони охранника. Потом оказалось, что старшина-патрульный лежит на асфальте, вытянув вперед руку с зажатым в ней пистолетом и не подавая признаков жизни. Его напарник, укрывшись за корпусом новеньких «жигулей», посылает пулю за пулей в стоявший боком к нему «рафик». А парень, ходивший к милиционерам, спрятался за «запорожцем» и тоже ведёт огонь. Судя по всему, простреленные передние колёса минивэна и убитый водитель — его рук дело. Похоже, «рафик» пытался выехать со стоянки.

Из боковой двери микроавтобуса выскочили несколько человек в серой униформе, вооружённые короткоствольными автоматами, ещё двое лежали в салоне без движения. Получалось, противник потерял уже троих, а у нас... В это время не менявший позицию оставшийся милиционер откинулся на спину от пойманной в грудь очереди, а из здания вокзала с пистолетами в руках выбежали еще двое его коллег.

Моя охрана не стреляла, опасаясь вызвать ответный огонь. Они только внимательно наблюдали за обстановкой, держа наготове оружие.

Милиционеры не сплеховали. Стремительным броском

они достигли выбранных укрытий, после чего один открыл огонь по противнику, а второй затащил напарника старшины за машину и, проверив пульс, сокрушенно покачал головой.

Спецы есть спецы. Сообразив, что операция провалилась, они оставили одного из своих в прикрытии и пошли на прорыв, укрываясь за немногочисленными машинами. Только почему-то в нашу сторону. Тут даже моя охрана открыла огонь на поражение. И через минуту все закончилось. Оставшийся со мной Иваныч внимательно контролировал обстановку, остальные, отойдя от нас на пару метров, заняли оборону, создав дополнительное кольцо охраны. Мое внимание привлек шум моторов, работающих на форсаже, и последовавший за ним визг шин. Напрягшийся было Иваныч расслабился и, повернувшись ко мне, сказал:

– Наши!

Меня быстро зашвырнули в одну из приехавших машин, и прибывшая кавалькада помчалась по улицам Москвы.

Открывшаяся дверь явила моему взору небольшую палату для выздоравливающих. Войдя в неё следом за Андроповым, я осмотрелся. На кровати, с бледным лицом, укутанный в плед, лежал человек и внимательно смотрел на меня. Я поздоровался первым:

– Здравствуйте, Леонид Ильич.

Поплавок чуть дернулся, потом его повело в сторону –

карп играл с наживкой. Я напряг руки: вот сейчас, ещё немного...

– Женька, я тебя ищу-ищу!.. – Раздавшийся рядом голос моей младшей сестренки стал для меня полной неожиданностью.

Несколько секунд тупо глядя на пустой крючок, покачивающийся перед моим носом, я печально спросил у нее, опуская бамбуковое удилище:

– Что опять случилось? Война?

– Не, тебя мама ищет, пойдем быстрее! – ответила Ольга, заглянув в ведро с пойманной рыбой и тут же запустив в него руки.

Вздохнув, с улыбкой посмотрел на нее. Девчонка, конечно, не была моей настоящей сестрой – я жил с людьми, обеспечивающими мою безопасность. Уже пять лет изображал сына офицера-лётчика, несшего службу в вертолетной части под Ленинградом. За это время успел облазить все окрестности и болота. Побывал даже там, где попала в окружение армия Власова...

Не спеша следуя за неумной «сестренкой», неся ведро с рыбой в левой руке, а удилище с раскладным стульчиком – в правой, я стал вспоминать все свои приключения.

После встречи с Брежневым, который, кстати, не был такой развалиной, как в моем мире, меня отправили в спецчасть, где буквально выпотрошили. За полгода, проведен-

ные в этом учреждении, я рассказал даже то, чего не помнил. Мне навсегда запомнились глаза специалистов. Особенно одного полковника, обычно сидевшего рядом.

Потом состоялась новая встреча с Брежневым – в моем случае он прожил на несколько месяцев больше. Что интересно, никаких «сисек-масисек» не было. Леонид Ильич говорил хоть и старческим голосом, но вполне понятно, что заставило задуматься не только меня, но и моих кураторов.

Потом жизнь худо-бедно наладилась. Так как я помнил немало песен из будущего, их стали выпускать под моим именем. В стране появился поэт и композитор Артур Александров – личность известная и в то же время ужасно таинственная, которую никто не видел, но которая регулярно о себе напоминала. И каких только слухов не ходило среди номенклатуры и народа! Ну и щелчок по носу для моих противников.

Впрочем, таинственность не мешала регулярному пополнению моих счетов в Сбербанке, так что сейчас я был самым богатым двенадцатилетним парнем в стране.

Пройдя по узкой тропинке, вившейся среди кустарника, росшего на берегу местной речки, мы выбрались на проселочную дорогу и остановились у моего мотороллера. Положив вещи в кузов «муравьишки» и закрепив ведро, чтобы оно не каталось, сел за руль. Дождавшись, когда девчонка втиснется на сиденье позади меня, дал газу.

Пролетев по дороге и с трудом вписавшись в поворот, медленно проехал через небольшой деревянный мостик с ветхим настилом и уже через пару минут въезжал на территорию военного городка. Остановившись у домика, где мы жили, помог слезть Ольге и, отдав ей ведро с уловом, отправил к «маме». В это время у соседнего дома остановилась красная «девятка», машина жены особиста полка.

– Добрый день, Валентина Олеговна.

– Привет, Жень, как рыбалка?

– Отличная рыбалка, Валентина Олеговна, я попрошу маму, она вам занесет карпов.

– Ой, не надо! Я к вам зайду через полчаса. Маме привет!

– Передам.

Посмотрев на машину, вспомнил, с каким скрипом прошло предложение генсека Романова об объединении Германии с уплатой за это дефицитными станками для автозаводов и другими нужными вещами. Один из таких когда-то дефицитов сейчас стоял передо мной. За год германцы построили три автозавода по современным технологиям. И многочисленные автомобили за последние четыре года наводнили Союз. В любом крупном населенном пункте можно было увидеть спецавтоцентры, ремперсонал которых проходил обучение в новых техниках...

Отвернувшись, направился в дом, узнать, какие новости меня ждут. В сенях столкнулся с Ольгой. Откусывая на ходу

горячую пышную булочку, «сестрёнка» попыталась протиснуться мимо меня:

– Ты куда? – строго спросил я.

– Мамка послала к тете Даше. Сказала помочь прополоть грядку, – пробормотала девчонка с набитым ртом.

Это сразу сказало мне, кто приехал. Похоже, нас снова посетил полковник Строганов, мой куратор и главная связь с Романовым. Во время его визитов «сестрёнку» всегда отправляли к тете Даше с каким-нибудь пустяком.

«Странно, что так рано приехали», – озадаченно подумал я, проходя в дом. Обычно меня всегда предупреждают, если будет гость. Предчувствуя недобрые новости, вошел в гостиную. Она же столовая, она же кухня. Полковник сидел ко мне спиной и пил чай, тревожный взгляд «матери», брошенный мельком на меня, и напряженная спина Строганова немного озадачили. Что-то было не так, интуиция просто вопила об опасности.

Тихо подойдя к куратору, я спокойно коснулся его плеча. Офицер вздрогнул, спина его согнулась еще больше, и он, не повернувшись ко мне, а продолжил как-то механически отхлебывать чай. Обойдя стол, посмотрел в лицо полковника. Бледное, с бегающими глазами. Значит, дело плохо.

Постаравшись поймать его взгляд, спросил:

– Зачем?

Взгляд Строганова был полон боли. Раскрыв губы, полковник хрипло выдохнул:

– У них мои дети!

– Сколько у меня времени?

– Нисколько. Они здесь.

– Кто? – поинтересовался я, доставая из-под подоконника ТТ, найденный в разбитом доте и сохранившийся в отличном состоянии. Оружие мне давать категорически не хотели, пришлось выкручиваться самому.

– Британцы.

– Опять они?! Достали уже! Им что, прошлого раза было мало?! Какой приказ? Живым? Мертвым?

– Живым. Приказ брать неповрежденным.

– А, тогда повоюем! – весело пробормотал я, досылая патрон.

Взяв диванную подушку, упер в нее ствол пистолета и нажал на спусковой крючок. ТТ дернулся, и звук выстрела разнесся по комнате, но для того, чтобы его слышали на улице, был слишком тих. Никогда не прощал предательства, даже если пошли на него из-за членов семьи. Не глядя на сползающее на пол тело полковника, бросив подушку на пол, по вернулся к входящей «матери»:

– Сигнал ушел?

Она покачала головой и ответила, бросив быстрый взгляд на тело полковника, лежащее на полу с дыркой в груди:

– Блокируют, проводную тоже. Только связалась с Вале́й, и все. Уходи, мы прикроем.

– Прикрывальщицы, блин! Сидите и не дергайтесь, к ок-

нам не подходите, наверняка снайперы караулят.

Тихонечко подкравшись к кухонному окну и чуть отодвинув занавеску, посмотрел на свой амбар, стоящий метрах в ста от дома, и по возможности на окрестности.

– Трава не по ветру шевелится. Бери ведро, сделай вид, что оно полное, и иди к Валентине. Займите оборону, я уведу их отсюда. Селиванову скажете, я ушел на пункт четыре, он поймет.

«Еще бы ему не понять. Обговоренных пунктов спасения всего три. Селиванов не дурак, сообразит».

Прихватив из тайника запасные магазины и две эфки, я выскользнул в сени, не дожидаясь ответа от сотрудника охраны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.